

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЮНЬ 10 ПЯТНИЦА 1938 год № 32 (739) Цена 30 коп.

Об учебнике литературы

В 1934 году Алексей Максимович Горький просматривал учебник по русской литературе для 9-х классов...

Товарищ Молотов сказал, что среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является недостаток хороших учебников.

Совершенно справедливо писала депутат Верховного Совета учительница тов. Леонова: «Указания товарища Молотова в полной мере относятся и к средней школе».

Мы приступаем с этого номера к широкому обсуждению вопросов, связанных с созданием учебника по русской литературе для средней школы...

Нужен новый учебник по литературе! Два вопроса возникают немедленно: — Каким он должен быть? — Кто его должен создать?

Возвращаясь к «Заметкам» Горького, Алексей Максимович не писал программы книги, он только «срезанировал» уже написанные, отметил недостатки и рекомендовал некоторые исправления...

«Обоим смущает слабо подчеркиваемая связь литературы с жизнью», — писал Горький об учебнике.

Пожелаем, чтобы составители нового учебника помнили в первую очередь именно это указание — необходимость подчеркнуть, что литература русская развивалась и росла неотрывно от великого многообразия народной жизни...

Горький рассматривал историю литературы как часть истории народной. Он говорил в «Заметках»:

«Вообще было бы гораздо выгоднее для школьников, если бы им показали преемственность типов по линиям: Недоросль — Фонвизина, Подколесин — Гоголя, Обломов — Гончарова, Безухов — Л. Толстого и т. д. Чацкий, Онегин, Печорин до Сангина и далее. Разметов до подпольщиков типа Куйбышева. Поставленные в

такие ряды типы показали бы школьникам и влияние эпох на организацию характера, и силу изобразительности каждого автора, и преемственность идей, книги литературы читались».

Не устает Горький в «Заметках» отмечать погрешности авторов книги против языка, требует чистоты и ясности изложения.

«Система образов» Достоевского — не понятно, что хотели сказать авторы учебника? — спрашивает Алексей Максимович.

И дальше — определенное требование, подчеркнутное целой серией старательно выписанных примеров небрежного обращения со словом: «учебник литературы должен быть написан тщательно литературным языком».

Безупречный язык учебника литературы — это одно из решающих требований, которое нужно иметь в виду при составлении книги.

Полный ответ на то, каким должен быть учебник литературы, может быть получен лишь в результате использования всего богатейшего опыта, накопленного педагогической наукой в этой области...

«Литературная газета» уже отмечала, что Наркомпрос РСФСР и «Учительская газета», которым в первую очередь следовало начать деятельную кампанию за новый учебник литературы...

Пример Горького перед нами, товарищи писатели! Нужно отнестись к участию в создании книги о русской литературе, как к самой почетной, самой ответственной обязанности.

Мы просим читателей «Литературной газеты» — писателей и работников просвещения — высказать свои мысли о том, каким должен быть учебник русской литературы для средней школы.

Мы просим Наркомпрос РСФСР ответить: что сделано для составления конкретного плана нового учебника и когда, в какой форме этот план будет обнародован?

Еще раз мы напоминаем указание товарища Молотова о том, что для создания хороших учебников надо «провести действительно серьезную и очень умную работу».

Встреча избирателей со своим кандидатом — Мусабом Стальским

В лезгинском ауле Ахты состоялась встреча избирателей с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР тов. Мусабом Стальским — сыном прославленного ашуга Сулеймана Стальского.

Выступившая на митинге горняк-артистка лезгинского национального театра тов. П. Ахмедова сказала: — Вся страна с большим подъемом готовится к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик.

В день выборов в Верховный Совет РСФСР мы единодушно будем голосовать за кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных — комсомольца, молодого лезгинского поэта Мусабом Стальского, — зарегистрированного по нашему Касум-Кентскому избирательному округу.

Кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР тов. Мусаб Стальский в краткой речи благодарил избирателей за оказанное доверие и прочитал свое стихотворение, посвященное великому Сталину.

На митинге выступил также лезгинский поэт — друг Сулеймана Стальского — Тагир из аула Худот. Он прочитал стихотворение, посвященное сыну своего великого дяди — Мусабу.

Речь тов. Михаила Ефимовича Кольцова

кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР от Пензенского сельского избирательного округа, произнесенная по радио 3-го июня 1938 года к своим избирателям.

Дорогие товарищи, рабочие, колхозники, красноармейцы, командиры, подработники и все трудящиеся избиратели Пензенского сельского избирательного округа!

В эти дни вы, как и весь советский народ, собираетесь на избирательные митинги, вы обсуждаете имена кандидатов, имена своих будущих избранных, имена тех, кого вы пошлете в Верховный Совет Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Весь мир с пристальным вниманием следит за выборами в Верховные Советы наших союзных и автономных республик. На основании хода этих выборов, на основании их результатов весь мир сможет сделать свои выводы о внутреннем состоянии Советского Союза, о степени политического и морального единства советского народа.

Один раз эти выводы были уже сделаны. Двенадцатого декабря, в день выборов в Верховный Совет Союза Социалистических Республик, сороксемилетнимиллионный народ, населяющий шестую часть света, построивший сильнейшее в мире социалистическое государство, единодушно, полностью голосовал за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Голосование двенадцатого декабря показало всем друзьям народа, всем добродетелям нашей страны, что социалистическая крепость сильна и несокрушима более, чем когда бы то ни было.

И сейчас, зная настроения народных масс, города и деревни, Красной Армии и гражданского населения, стариков и молодежи, зная, над чем трудится, чем дышит, кого любит и кого ненавидит наш народ, зная все это, — кто будет сомневаться в новой блестящей победе, которую принесут сталинскому блоку коммунистов и беспартийных дни 12, 24 и 26 июня.

И сейчас, зная настроения народных масс, города и деревни, Красной Армии и гражданского населения, стариков и молодежи, зная, над чем трудится, чем дышит, кого любит и кого ненавидит наш народ, зная все это, — кто будет сомневаться в новой блестящей победе, которую принесут сталинскому блоку коммунистов и беспартийных дни 12, 24 и 26 июня.

Блок коммунистов и беспартийных означает свободу и независимость нашей страны, охрану политических и национальных прав, закрепленных в Сталинской Конституции. Эти права мы никому не уступим, никому не отдадим, никому не дадим нарушить — ни иностранным захватчикам, ни их агентам, террористам и вредителям, — никому на свете!

Блок коммунистов и беспартийных — это самое верное средство для улучшения нашего государственного аппарата, для укрепления нашей обороны и нашего хозяйства, нашей культуры, для борьбы с недостатками, для травы негодного.

ИВАН РАХИЛЛО Зам, председателя участковой избирательной комиссии

На избирательном участке

Наш 30-й участок помещается на Родельской улице в школе № 87.

Какие глупые, чудесные переделки расположены в районе Зоопарка, по берегу Москва-реки! Устно зарешено, они напоминают переделки южных приморских городов.

Наш участок — один из самых больших в Москве. Он разбросан на большом пространстве. Это — неудобство.

По списку у нас значится 2.342 избирателя. Наш кандидат — двадцатипятилетний профессор математики, Сергей Львович Соболев.

Только что прошел дождь. На скамейке, во дворе школы, уже ожидают члены участковой комиссии: председатель, Алексей Алексеевич Минаев, старший рабочий Трехгорной мануфактуры. Коммунист. Тихий, внимательный человек. Рядом с ним широкоплечий, светлоглазый секретарь, тов. Горчаков. Члены участковой комиссии — плотник Николай Михайлович Невский и поэт Василий Васильевич Казин. Потом приходит Пелагея Герасимовна Новичкова, мастер фабрики «Трехгорная мануфактура». У нее черные, горящие глаза, гладкие волосы, чем-то она похожа на Долорес Ибаррури.

Минаев знакомит всех с обстановкой и условиями работы на участке. Составляется расписание дежурств. Основная задача участковой избирательной комиссии — это точная проверка списков избирателей и работы агитаторов на участке. Разрабатываются план массовых предпринятий. На территории нашего участка — театр, стадион и парк. Все это нужно использовать. Из клуба нам дают звуковые кинопередвижки и двух киноистов.

С большим трудом нам удается обставить помещение участка. Теперь на окнах есть портьеры. На столах новые скатерти. Даван. Стулья. И даже телефоны. На воротах

Блок коммунистов и беспартийных — это крепкая стена народного единства, которую разобьет себе голову все, кто мечтает поведать, помешать спокойной, свободной, счастливой жизни в Советской стране.

Блок коммунистов и беспартийных — это труд и хлеб и радостная, зажиточная жизнь для каждого советского гражданина.

Блок коммунистов и беспартийных — это родина, это — демократия, это — социализм!

Блок коммунистов и беспартийных — это Сталин! В этом славном имени воплощены для каждого из нас все победы советского народа, вся его уверенность в завтрашнем дне, вся гордость тем, что достигнуто, вся уверенность в будущем.

Вот почему двенадцатого декабря, оставаясь наедине в избирательной кабинке, каждый советский избиратель отдавал свой голос кандидату сталинского блока коммунистов и беспартийных. Вот почему и в дни выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик этот блок одерживал победы блестящую победу.

Трудящиеся Пензенского избирательного округа оказывают мне высокую честь, выдвигая своим кандидатом на выборах. Эту честь я отношу к тому, что являюсь кандидатом сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Я не работаю ни у станка, ни в поле. Орудием моей борьбы является печатное слово. Я горжусь этим орудием; товарищ Сталин назвал печатный станок, самым острым орудием нашей партии. Почти двадцать лет я нахожусь в строю большевистской печати; своим политическим и литературным воспитанием я обязан старейшей большевистской газете «Правда», на страницах которой я всегда стремился сочетать работу писателя-художника и партийного газетного журналиста.

Пока хватит сил, я буду служить нашей стране, нашему народу, нашей партии, нашему Сталину.

Эминджан Аббасов

Старый Аббас всю жизнь бродил по кышлакам. — Нет ли работы? — спрашивал Аббас, останавливаясь у порога байских домов.

И если бы в тот день нужен был лишней работник, чтобы зарезать барана, нарубить дров или вычистить двор, — Аббас приходил домой с несколькими грошам в кармане. В тот день он покупал дешевку и горсть джугари.

По такие дни были редки. Голодный, без денег и хлеба, возвращался Аббас в свою покосившуюся хибарку в один из дождливых дней осени 1909 года.

Подходя к полуразрушенному глиняному забору своей хибарки, Аббас услышал плач новорожденного.

Аббас еще раз опупал полет, не найдя ли там какой-нибудь забытой монетки, чтобы, по обычаю, отблагодарить радость рождения сына.

Напрасно шарил Аббас в складках старого пояса. Денег не было. И не мог он сделать традиционный подарок жене.

— Мой третий сын, — прошептал Аббас, — узнаешь ли ты счастье, мой сын? Старый Аббас умер в 1914 году, когда Эминджану минуло 5 лет. А через два года, старшего брата — единственного кормильца осиротевшей семьи — насильно забрали на тыловые работы.

Гонимая бедой и царскими чиновниками семья покинула родной кышлак Сант. Мать с двумя мальчиками, ввалив на плечи жалкий узелок с домашним скотом, пошла разыскивать старшего сына. Там Эминджан попал в Ташкент.

В глухих, безымянных улочках старого города, в брошенных палацах, а то и просто под открытым небом, на полуистлевшем коврыке у жутящего арника, провонял дни и ночи Эминджан. Худой, еле прикрытый лохмотьями, он рос, как росли миллионы сыновей и дочерей порабожденного узбекского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция, возродившая узбекский народ, открыла Эминджану прекрасную дорогу к тому счастью, о котором мечтал старый Аббас.

Подросток, не знавший нечестия буги и не умеющий написать свое имя, поступил в школу-литернат.

Молодая советская власть дала ему жилье и хлеб, одела и обула.

— Учись, Эминджан! — сказали мальчику. — Будь передовым членом своей страны.

— Я буду учиться, — ответил Эминджан. — Но я обязан также и работать. Мать моя стара, и должен исполнить свой сыновний долг и дать ей заслуженный покой.

Днем Эминджан учился в школе. Вечером юноша работал в сапожной мастерской.

В 1929 году, в вузовской стенгазете появились стихотворения студента-комсомольца Эминджана Аббасова. Стихи молодого поэта стали печататься и в узбекской комсомольской печати. В 1933 году вышли в свет два сборника стихотворений Эминджана Аббасова — «Железные потоки» и «Песни наших дней». То были стихи, выражающие мысли и чаяния узбекской молодежи. Они являли свободный колхозный труд, могучую социалистическую родину, братство народов Советского Союза, русский пролетариат, который помог узбекскому народу выйти на путь социализма. Поэт шел о великой партии Ленина-Сталина, ведущей узбекский народ к еще более радостной и счастливой жизни.

ни, он шел о Ленине и Сталине словами народа.

Стихи Эминджана Аббасова вызвали зависть завистливых врагов — буржуазных националистов, орудовавших в узбекской литературе.

— Поэт, — кричали они, — должен услаждать слух звучанием рифм и аллитерацией. Поэт должен воспевать аромат роз, трели соловьев, прохладу садов. А этот мальчишка, называющий себя поэтом, произносит в стихах агитационные речи. Замолчи, Эминджан, не оскорбляй наш слух. Ненавидя носителей и тропов новой узбекской национальной поэмы в форме и социалистической по содержанию культуры, буржуазные националисты не только отказались принять Э. Аббасова в союз писателей, но сделали все, чтобы помешать его творчеству. На него клеветали, ему угрожали, его отстраняли от всякой работы.

Злобные нападки врагов не заглушили песню поэта. Эминджан Аббасов продолжал *

Поэт-комсомолец Эминджан Аббасов, выдвинутый кандидатом в депутаты Верховного Совета Узбекской ССР.

*

Жал работать, он учился в русских поэтов, у поэтов братских народов, он овладел мастерством советской поэзии. Его следующая книга стихов «Сны родины», где острая политическая тема, подлинный советский патриотизм сочетаются со значительной поэтической культурой, свидетельствует о больших успехах поэта Аббасова. Ряд стихотворений Эминджана Аббасова уже становится народными песнями. — не лучшей ли это похвала поэту?

Эминджан Аббасов никогда не замыкал свое творчество узким кругом формально-литературных задач. Этого поэта можно смело назвать поэтом-агитатором, поэтом-пропагандистом. И не случайно т. Аббасов свою литературную работу всегда сочетал с большой общественной работой. Особенно ярко сказались это во время подготовки и выборов в Верховный Совет СССР. Э. Аббасов был одним из лучших пропагандистов, выдвинутых союзом писателей. Во дворах домов, в чайханах и клубах, в докладах и стихах он разъяснял историческое значение Сталинской Конституции и сталинского закона о выборах в Верховный Совет.

Его бы ни работал т. Аббасов, его все же выдвигают на руководящую комсомольскую и профсоюзную работу. Всюду он бесопашно грозит и разоблачает все вражеское, все, что мешает укреплению мощности нашей страны, все, что мешает строительству социалистической культуры. Очень активной была роль т. Аббасова и разоблачения врагов народа, орудовавших в узбекском союзе писателей.

Среди произведений Эминджана Аббасова есть много стихов о стихах охватывающих полях. Сейчас стихами охватывающего союза «Балут» назвали имя Эминджана, как своего кандидата в депутаты Верховного Совета Узбекской ССР. Рабочие и служащие союза единодушно поддержали эту кандидатуру. Сегодня мы прочли постановление, что Окружная избирательная комиссия Балутского избирательного округа зарегистрировала кандидатуру Эминджана Аббасова.

Это — огромная радость для всех советских писателей Узбекистана. Выдвижение рабочими и служащими союза кандидатуры поэта-комсомольца еще раз демонстрирует, как велика любовь и уважение народа к литературе и к писателям.

Узбекский народ под руководством большевистской партии разоблачил гнусных предателей и изменников, полных агентов международного фашизма, нанесших огромный вред и узбекской литературе. Узбекский народ с необычайным вниманием выслушивает новых поэтов, которые стихами влохотняют нашу страну к новым и новым великим победам. Эминджан Аббасов — один из представителей молодого поколения узбекских писателей, который всем творчеством своим служит делу народа, делу партии Ленина и Сталина, и народ доверяет своему поэту.

Быть депутатом своего народа, быть членом Верховного Совета своей Республики — великое и почетное дело. Любимое, оказываемое одному из наших товарищей, — это доверие всей нашей литературе. Советские писатели Узбекистана эту доверие оправдают.

САТТЫ ХУСАИНОВ, в Ташкенте. (По телеграфу).

Величие и простота

Когда в незабываемый день открытия Первой сессии Верховного Совета Советского Союза я входил в зал Большого Кремлевского дворца, меня охватило глубокое волнение. Я вступил в залу, где собрались лучшие из лучших, прославленные люди нашей могущественной социалистической державы. Мне предстояло видеть величайшего человека всех времен и народов, вождя революции, давшего свое имя эпохе. В полном сознании своей несокрушимой силы и своего исторического призвания заседал парламент Страны Советов. Эти черты — черты сталинской эпохи — я наблюдал не только в Кремле. Величие и простота присущи всем людям нашей родины, всей необозримой армии бойцов за социализм.

В небольшом колхозе Пхети, близ Тбилиси, я в горном селении Сно Кабзевского района мне пришлось расквашивать своим избирателям о работах сессии Верховного Совета. И здесь, как и в Кремлевском дворце, я чувствовал себя среди людей, гордых достижениями своей страны и просто и спокойно обсуждающих вопросы строительства и управления государством.

С таким же величавым спокойствием готовится сейчас трудящиеся Советской Грузии к выборам в Верховный Совет Грузинской ССР. Избрать достойных людей в парламент, дать им наказ, как работать, — этой мыслью живут сейчас сотни тысяч избирателей. Я долго жил и работал среди народа, но не помню такого подвига на-

строения. Что особенно характерно, это — неустанная деятельность работников науки и искусств, обслуживающих избирательную кампанию. В нашем избирательном участке работают народный скульптор Николай и артист оперы орденосином Амранашвили. Я ежедневно наблюдаю, с каким юнческим пылом убежденные седыми деятели науки и искусств ведут подготовительную работу к выборам, как тщательно выписывают и проверяют фамилии избирателей.

И я невольно вспоминаю минувшие времена, когда в мрачные годы царского самодержавия и господства помещиков люди науки и искусств не только не находили применения для своих знаний и труда, но подвергались жестокому оскорблению и преследованиям. Царский генерал Алиханов-Аварский разрушил и сжег во время первой революции театр в Зестафони, где я родился и вырос. Царская власть так и не разрешила восстановить театр — этот очаг «скарамуш».

Грузинский поэт Илья Чавчавадзе, трагедийный и убитый парским самодержавием, мог лишь мечтать о тех днях, когда грузинские народные песни и мелодии получат признание и на их основе будет создана первая национальная опера...

То, о чем мечтал Илья Чавчавадзе, сбылось, и теперь наша опера заняла одно из почетных мест среди театров Советского Союза.

ГЕННАДИЙ ФИШ

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

(Герценский избирательный округ, участок № 18)

Работа на избирательном участке гораздо сложнее, чем это может показаться со стороны, и члены избирательных комиссий часто тревожатся по таким поводам, которые совсем неважны, так сказать, со стороны.

В день выборов 26 июня очень многие москвичи со своими семьями будут находиться на подмосковных дачах или в близлежащих к городу деревнях. Именно эти дачники и их преданность своим городским избирательным участкам и стали предметом особой тревоги. Уважение на курортах и в дальних краях избиратели, разумеется, будут в районах удостоверения на право голосования, — и за них душа члена избирательной комиссии спокойна. Ну и вот те, кто едет в подмосковные, — те не хотят брать, они искренно заверяют членов комиссий и агитаторов, что они во что бы то ни стало приедут 26 июня в Москву и проголосуют в своем избирательном участке.

— Ну, а если вы почувствуете недомогание?

— Все равно приеду.

— Ну, а если у вас в тот день выкроится ребенок, или приедут дорогие гости, и вам неудобно будет их покинуть?

— Выберу время и все равно приеду в свой участок голосовать за своего кандидата!

Вот, приблизительно, какой разговор должен вести член комиссии или агитатор с выборщиком-дачником, чтобы убедить его ехать в свой избирательный участок голосовать, чтобы в случае невозможности прибыть в день выборов в Москву проголосовать в пригородных участках. Но вот, наконец, последовало продолжительное решение центральной избирательной комиссии об организации специальных избирательных участков в пригородах, в которых будут баллотироваться кандидаты, выставленные в избирательных округах города. Это вполне целесообразное решение, и оно во многом уменьшило тревогу членов избирательных комиссий за избирателя-дачника. После составления списков в первые дни народная проверка этих списков очень редко за день, бывало, придет человек тридцать-сорок. И так до первого числа пришло на участок всего немногим более двухсот человек. До первого на нашем участке агитаторы в домах работали и кружках — раз в декаду. Теперь же кружки стали собираться вдовое чаще: агитаторы ведут повседневную работу — и результаты не замедлят сказаться. К пятнадцатому числу проверилось более 1000 избирателей из числа трех тысяч, и темпы самопроверки нарастают к каждому дню. Из числа агитаторов хочется выделить т. Мохом, кружок которого добился стопроцентной посещаемости. Этот агитатор организовал вместе со своим кружком объединение — осмотр новых домов, предприятий и других достижений Москвы во время сталинских пятилеток.

ЭГОН ЭРВИН КИШ

НА ПЛЯЖЕ

Лазарет привыкли представлять себе в виде длинного, похожего на лазарет, безвкусного и унылого здания. Таковы обычно бывают дома призрачные бедняков, о которых должна быть двойная забота, потому что они не только бедны, но и больны.

Рассказывая об одном из испанских морских курортов, превращенном теперь в лазарет Интернациональной бригады, мы должны попросить читателей отказаться от общепринятого представления о лазаретах. Ибо этот лазарет состоит из целого ряда прекрасных villas в пальмовых садах. Одну из этих villas занимает дирекция лазарета, другую — хирургическое отделение, в котором делают большие операции, и еще в двух-трех villas размещены отделения для более легких хирургических больных. В других прекрасных villas размещались зубокабинеты, рентгенологические, фармакологические и прочие отделения. Несколько villas и часть монастыря отведены под провансальский склад, кухни, мастерские, прачечные, клуб и детский сад.

Что означали бы владения этих villas, проводившие здесь ежедневно по два месяца, узнав, что в их прекрасных villas живут теперь крупный год и что в каждой комнате, построенной только для одной семьи, помещается теперь около пятидесяти человек? Обмешкаете? Какой ужас!

И donna Кочича (если бы узнав о подобном превращении своей летней резиденции, она встретила случайно в Севилье

Кандидатом в нашем округе выставлен молодой талантливый ученый-математик товарищ Соболев. Возникает необходимость возможно подробнее ознакомить избирателей с его биографией. Однако такой биографии-брошюры нет.

В этом могла бы оказать помощь писательская организация, мобилизовав писателей для составления брошюры-биографии наших кандидатов. Это необходимо сделать немедленно.

Хотелось бы отметить, что нужно упростить процедуру выдачи удостоверения на право голосования отъезжающим, а то избиратели жалуются, что у многих из них на это дело уходит почти целый рабочий день. Особенно не имеет смысла требовать, чтобы муж или жена, приходящие получать удостоверение на право голосования, предъявляли заверенную доверенность. Тем более, что часто супруга или супруга уже нет в городе, и тогда возникает длинная переписка и всякие дополнительные хлопоты. Тем более можно упростить эту процедуру, что удостоверение без предъявления документа действительно, и поэтому злоупотребить им трудно. И возможно, что если бы выдачу таких удостоверений возложить на участковые комиссии, дело бы очень упростилось и комиссия полнее была бы информирована о том, куда и насколько выбывает избиратели данного участка. Это дело бы еще ряд других преимуществ, и об этом был поставлен вопрос. И в нашем Герценском избирательном округе он разрешен положительно.

По всему видно, что активность избирателей и в этих вторых выборах будет высока, и своей работой избирательные комиссии могут и должны повысить эту активность.

На днях во время моего дежурства в избирательную комиссию пришло несколько шаловливых девочек-пионеров. Мечтая о том времени, когда они сами будут иметь право голоса, они пока пришли проверить, занесены ли в список избиратели и правильно ли там занесены их матери, бабушки, дедушки и старшие сестры и братья. Потом, уходя из помещенной комиссии, которая, кстати, у нас находится в подвале, эти пионеры обратились ко мне:

— Вы смотрите, когда будете уходить, пожалуйста закройте помещение, чтобы никто не пропал сюда!

— Ну, кому нужно сюда проникать? — шуточно отозвался я, — здесь можно убраться... Огни избирательные списки — кому они нужны, кроме избирательной комиссии?

— А враги! — серьезно заметила только что все время смеявшаяся пионерка.

— Да! А враги? — подтвердила другая и всей гурьбой выбежала из помещения.

В тот вечер я, помня слова избирательных ребят, уходя из помещения, дважды проверил все выдано.

своего бывшего соседа по курорту), рассказывая о том, какие перемены произошли на их villas, наверно возмущенно прибавила бы:

«Если бы вы знали, donna Рафаэла, что стало с зеркальной залой отеля Рюччери!» — «Что же стало с ней, donna Кочича, скажите, я готова к самому худшему». — «Она превратилась в харчевню, donna Рафаэла, в столовую для солдат». — «Боже мой!» (Donna Рафаэла без чувств падает на землю).

По одну сторону приморского бульвара расположились прекрасные villas, по другую — прекрасный берег прекрасного моря. Но не так прекрасна главная улица. Это не асфальтированная «Промонал де-Ангеле», как в Ницце, не подобная паркету «Авеню де планш», как в Тулузе; главная улица этого приморского курорта запущена и вся в ухабах. Хозяева villas не желали истратить ни одного сантимона на то, что не относилось непосредственно к их личному владению. Скверная дорога вдоль хороших villas — это один из символов старой Испании.

Теперь мы живем в новой Испании, и дорога эта содержится в образцовом порядке, чтобы товарищей, которых привозят в санитарных автомобилях, не так мучительно трясло на пути от окопов до лазарета.

— А если бы вы увидели, donna Карменсита, какие люди разгуливают теперь по нашему пляжу...

Нет, нет, это не светская публика мод-

Мануэль Риваденеира

На выставке испанской литературы, устроенной Государственной библиотекой иностранной литературы, внимание посетителей привлекает многотомная «Библиотека испанских писателей». В 70 томах большого формата напечатано почти все, созданное испанскими литературными гениями на протяжении семи веков, начиная от XII и кончая XVIII в. Тут — два тома испанских романов, труд известного исследователя Августина Дурана; тут — все литературное наследие гениального Сервантеса; свыше 150 пьес Лопе де Вега, 100 пьес Кальдерона, летописи, хроника и исторические работы — от «Всеобщей хроники» Альфонса Мудрого до «Войны и революции в Испании» Торресы. С огромной тщательностью собраны стихи, поэмы, повести, частная переписка, все то, что имеет значение для истории замечательной испанской культуры.

Это грандиозное культурное предприятие обязано своим возникновением не академии, не группе ученых, а рядовому рабочему Мануэлю Риваденеира (1805—1872).

Идея издания «Библиотеки» возникла у него в период его вынужденных странствий по Франции, Бельгии, Англии и Швейцарии, где он скрывался от испанской полиции. Чтобы осуществить свою заветную мечту, он решил отправиться за море, в Чили, которая тогда была богатейшей колонией Испании. Там он поступил наборщиком в единственную типографию, существовавшую тогда в Чили.

Так как он в совершенстве изучил наборное дело в различных европейских странах, то вскоре выдвинулся и стал соладельцем типографии. Через несколько лет ему удалось скопить некоторые средства, и он решил вернуться на родину и присутствовать, наконец, к изданию «Библиотеки». К участию в «Библиотеке» в качестве главного редактора им был приглашен Буэнавентура Карлос Ариба (1799—1862), выдающийся каталонский литературный деятель. Первый том «Библиотеки» вышел в 1848 году. Но уже начиная с X тома издатель начал испытывать сильные финансовые затруднения. Каждый том печатался тиражом не свыше 1000 экз., полисчиков было очень мало, книготорговцы неохотно брали эти издания. Риваденеира вновь решил отправиться в Америку. В южноамериканских республиках он обращался за помощью ко всем видным политическим деятелям, а именно к продавцу экземпляров «Библиотеки», которую привез с собой, и собирал подписку. В 1850 году он вернулся в Испанию.

И все же, несмотря на все усилия Риваденеира, до 1862 года реализовано было не больше 1.000 экз. из всего тиража в 4000 экз. «Библиотеки», вышедших в свет до этого времени. Риваденеира, однако, не терял надежды и покрывал огромные дефициты «Библиотеки» доходами, которые получал с других своих изданий и с типографии. Только в 1866 году депутат Учредительных кортесов Кадыло Носелья внес в парламент предложение о приобретении правительством всех вышедших из печати «Библиотеки», указав на огромное культурное значение предприятия Риваденеира. Предложение депутата было принято, и таким образом Риваденеира получил возможность продолжать «Библиотеку».

Риваденеира довел ее только до 64-го тома; закончил издание его наследник. На выставке находится последнее, восьмое стереотипное издание «Библиотеки» в 71 томе, в которых последний — это индекс ко всей «Библиотеке».

«Я ни на минуту не перестаю думать о моих проектах, касающихся «Библиотеки», — читаем мы в одном из писем Риваденеира из Америки. «Ради нее я покинул родину, ради нее я перекачал моря и континенты; хочу ознакомиться с ней страны, где я мог бы раздобыть средства для окончания этого предприятия... Меня возмущает не коммерческий расчет, а только сознание, что я сделал кое-что полезное для мира».

Только исключительная настойчивость и отважность Риваденеира помогли ему осуществить это большое культурное дело, издание почти истерзанного овода испанской письменности за семь веков.

В. УЗИН

Л. НИКУЛИН

Памяти товарища

Человек, которому в жизни случалось пережить военную непогоду или стихийное бедствие, вероятно, заметил одно заслуживающее внимания обстоятельство. В самые трудные минуты, среди людей, которым угрожает опасность, оказывается человек, ценность которого познаешь именно в грозу и бурю, среди опасных испытаний. Чаще всего таким мужественным и отважным человеком оказывается скромнейший, простой, приятный в обращении, милый товарищ, от которого вы не ждали такой душевной красоты, силы и подра.

Мы знали Мате Залка в редакциях, на совещаниях, собраниях, мы судили о нем по случайным (и неслучайным) встречам, среди привычной суеты. Мы навсегда запомнили его ослепительную улыбку, блеск его живых глаз, легкость и стремительность его походки, товарищескую благородность и непринужденность. Но теперь мы можем оценить всю душевную красоту, мужество и силу духа этого простого, милого и талантливого человека.

Многие помнят его в военной форме с синими кавалерийскими петлицами и боевым орденем на груди. В дни, когда среди нас жил Мате Залка, эта военная форма и боевой орден воспринимались как прекрасное прошлое, как прекрасная молодость человека, давшего уже сменившемуся на него и превратившемуся в глубоко штатского литератора.

Человек, прошедший сквозь грозу мирной и гражданской войны, человек, не однажды видевший смерть перед глазами, умевший снисходительно, по-философски переносить испытания, вылавливая на долю литератора. Он сохранил юмор, мягкость характера, веселое расположение духа среди мелких неприятностей, интриг и бытовых драг, от которых, к сожалению, не забавлена жизнь наших литераторов.

Когда я думаю о Мате Залка, мне приходит на память короткая встреча, происшедшая лет пять назад на пороге одного нашего издательства. В ту весну случайно, почти мимоходом, я побывал в Булаше, и мне захотелось поговорить с Мате Залка о его родине. Я впервые рассказал ему о своих бледных впечатлениях о красном Дунае и красном городе и пожалел, что у такого прекрасного города такие дурные хозяева. И по тому, как слушал меня Залка, я понял, что коснулся самых чувствительных струн этой страстной и благородной души. Он заговорил о Булаше и Венгрии как человек, горячо и нежно любивший родину и свой народ, как человек, страдавший при мысли о том, что эта чудесная страна и храбрый и гордый народ попадают в плену у феодально-помещичьей касты, у отечественных и иностранных дельцов. Он говорил об этом с большой грустью и человечностью. В его омытом женом и сверкающем взглядом в легком вздохе и печали, прозвучавшей в его голосе, были именно те чувства, о которых я говорю, — любовь к родине и народу, любовь интернационалиста, коммуниста к отечеству, которое находится в беде и горе.

Ему не дано было стать сражающимся за свободу и независимость своего народа, ему не довелось наносить меткие удары венгерской военщины, но жизнь приготовила ему высшее благо. Он пошел в бой за свободу испанских братьев, он нашел свое место в рядах интернациональной бригады, сражающейся за Испанскую Рес-

Боевой интернационалист

Письмо Густава Реглера

Я не могу писать никаких статей о Лукаче. Я кончаю роман об Испании, центральной фигурой которого является Лукач. Я надеюсь, что этот литературный памятник будет достоин его великой, незабываемой человечности. Этот человек был для меня символом настоящего интернационализма. Встреча с начальником, в котором стойкость, приобретенная им в России в борьбе против врагов рабочего класса, сочеталась с обаянием, столь редким в наши изменчивые времена, произвела на меня сильнейшее впечатление. Его веселость и жизнелюбие заставили меня по-иному относиться к окружающему. Я

не хочу быть неблагоприятным, описывая в нескольких строках этого человека, командовавшего бригадами.

Может быть, вам будет понятнее мое сомнение, если я передам вам, что рассказав мне санитар о моем поведении после взрыва гранаты: лежа в траве в полусознании от боли, я повернул голову к автоматчику, без конца повторяя по-испански: mi general la quiero. Теперь я знаю, что в тот миг мою боль заглушила одна мысль: «Почему он, а не я?» В такие минуты говорят правду. Это была правда о тяжелой утрате, которую понесло больше человечество...

РЕГЛЕР.

шмих именами. Красные, эти безобидные язычки, для которых нет ничего, ничего святого на свете, стерли наши имена, и наши villas называются теперь по именам ужасных для нас людей: Гарibaldi, Максими Горький, Масария, Луна Мишель, Домбровский, Аппи Барбюс, Роза Люксембург, Лина Елена, Поль Вайля, Кутюрре, Ганс Баймлер, Ральф Фокс, Эгарт Андре, Апри Вийемен, Жакмотт, Дурута, Эрнст Тельман, Матвас Ракоши, Анна Пауэр, Димитров, Асанья, Марсель Камеш, Миаха, Паспонария, Андре Марти, Жак Люлло, Морис Торез и Альварес дель Вайо.

По окончании купального сезона на курорте оставалось только один столик со своей семьей. Теперь от 1000 до 1700 человек живут здесь круглый год. Сотни людей непрестанно уезжают отсюда, но количество населения никогда не уменьшается. Смертоносные машины войны фабрикует новые пополнения.

Там, в горах, уют был. На первой железнодорожной станции за фронтом ванные помещают в санитарный поезд, и если это был извоз одного из этих лазаретов.

О санитарных поездах следует сказать, что по внутреннему оборудованию, по отделке операционных столов, шкафов для инструментов и лекарств, ваннх отделений и прочего они часто превосходят любой персонал санаторий. Не роскошь ли это? — спрашивают некоторые, качая головой. — неужели ли это роскошь для такой короткой поездки? Им отвечаю, что это не так уж необходимо для больных, но это необходимо для рабочих, которые создали и полировали эти поезда и хотят создавать для своих раненых товарищей и дарить им только самое красивое, самое лучшее и самое дорогое.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» № 4

Только что вышедший — четвертый — номер журнала «Интернациональная литература» читается с напряженным интересом. Редакция установила живую непосредственную связь с зарубежными писателями, стала на путь тщательного, неустремленного отбора материала, и это сказалось на самом характере и типе журнала. Помещаемые в нем романы, повести, критические статьи ясно отражают борьбу народного фронта.

В четвертой книге журнала печатаются первые главы нового романа Андре Мальро «Натяжла» и окончание повести Рамона Х. Сендера «Испания идет в контратаку».

Андре Мальро описывает Барселону в первые дни выступления фашистов, когда у Испанской Республики не хватало ни опыта, ни дисциплины, ни оружия, во что росла волна народного гнева.

Рамон Х. Селдер везет повествование дальше. «Испания идет в контратаку» — это захватывающая исповедь являющегося бойца, ясно отпояющего себе отчет в величии дела, которое он защищает.

В той же книге «Интернациональной литературы» опубликован и новый роман Эрнеста Хемингуэя «Иметь и не иметь». Хемингуэй писал его в 1933 г. Рубинсон уже лежала совершенно готовой в столе писателя, когда он вернулся из Испании и похоронил ее коренной переболевке. Теперь Хемингуэй расстался со своими старыми, опустошенными жизнью, героями.

«Иметь и не иметь» — книга социальных контрастов, в ней писатель не только расширяет круг своих наблюдений, но только по-новому распахивает свет в тени, — он делает серьезную попытку пересмотреть всю свою «философию жизни».

Идея обреченности всегда была центральной в творчестве Хемингуэя. Контрабандист Гарри Морган, герой его нового романа, также обречен на гибель. Судьба Морганна даже, пожалуй, более трагична, чем судьба тех людей, которых ранее вывел из своих произведений писатель. По гибнет этот мужественный и по природе честный человек уже не безвольно, не как жертва извечной трагедии жизни, а потому, что остается одиночкой и вынужден по-полной жить в волчьем капиталистическом обществе.

Глубоким драматизмом веет от страниц романа. Люди Хемингуэя уже не перебарываются скрупили, будто нарочно обесчеловечены Фозаами. — они произносят страстные монологии, они обличают, действуют... Эти новые краски появились на странице Хемингуэя неслучайно после того, как он увидел испанский народ в героические, великие дни его жизни. «Иметь и не иметь», невзирая на все недостатки этого романа, как нам кажется, не только переломное, но и лучшее, наиболее яркое из произведений Хемингуэя. Редакция «Интернациональной литературы» с такой ослепительной, повливанием, неслучайно: роману предпосладо обширное примечание, не свидетельствующее о критической чуткости его составителя.

Новый роман Хемингуэя, оказывается, «не принадлежит к лучшим его произведениям», слабые его стороны «очевидны и бросаются в глаза». Но даже такой суровой оценки редакция мало. Она подчеркивает свое мнение передовой статьей авторитетного критика Малькольма Каули, который прямо заявляет: «В целом «Иметь и не иметь» — самая слабая из книг Хемингуэя».

Всякий, кто перечитал книги Хемингуэя, убедится в обратном. Оценка редакция вызывает тем большее удивление, чем ей отлично был известен прием, оказанный роману Хемингуэя реакционной печатью США. Роман был встречен буквально в штыки. Литераторы не могли простить автору «измену» его старым героям. Они уязвили себя в сатирическом зеркала и тем старательнее стремились скрыть подлинность, классические мотивы своего недовольства рассуждениями о художественной неполноценности романа.

В этих условиях только литературным спознанием, стремлением канонизировать старые представления о Хемингуэе можно объяснить оценку романа в редакционном примечании. А критика произведений западных писателей не менее серьезная задача, чем самый выбор литературных воинок для печати.

В четвертой книге журнала все отныне наполнено интересным и свежим материалом. Здесь публикуется очерк Эркмана Колдулла и Маргарет Боржуаз «В парте в хлопках» — образец остроты, простоты и прелестью выразительной социальной документации; переводы замечательных песен времен крестьянской войны в Германии и серьезное исследование английского критика Г. А. Джексона «Диккенс и демократия».

Как видно уж из одного этого перечня, журнал расширяет круг своих тем и совершенно правильно начинает уделять больше внимания революционному фольклору и классической литературе Запада.

НОВИЧКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Жан Жюрес». А. Зевас. Изд. Гашетт. Париж, 1938.

«Jean Jaurès». Par A. Zévass. Hachette, Paris.

Живо и популярно написана краткая биография знаменитого социалистического деятеля, который был убит террористом, напавшим буржуазии 81 июля 1914 г., накануне мировой войны. Автор рассказывает о политической деятельности Жюреса, характеризует его как оратора, писателя, журналиста и человека («Нувель литерер», Париж).

«Плюния против мира». А. Шассанс. «Эдисон социаль энтернасьональ», Париж, 1938.

«Le Japon contre le Monde». Par A. Chassagnis. Editions sociales internationales, Paris.

Этот историко-экономический очерк Япония написан левым французским журналистом, стоящим на марксистских позициях. Основную часть книги составляют очерки «Япония и Китай», «Япония и США», «Япония и Германия», «Япония и Франция» и др. («Нувель литерер», Париж).

«Один». Николас Боддингтон. Изд. Голландия, Лондон, 1938.

«Solo». By Nicolas Bodington. Gollancz, London.

Мои требования к учебнику

Учебник по литературе должен быть написан интересно, языком простым и популярным. Это не значит, что из текста должна быть совершенно выгнана литературоведческая терминология. Наоборот, ряд абсолютно необходимых терминов должен быть объяснен и объяснен ученикам. Но тот язык, которым написаны широкопродуцированные учебники, которым выложены наши действительные учебники, следует решительно отвергнуть.

Главы учебника должны быть связаны единым подходом к материалу, сопоставлением фактов, общностью выдвигаемых и разрешаемых проблем. Ничего этого нет в учебниках, принятых в школе сейчас. На это указал А. М. Горький в своих замечаниях по поводу учебника для девяти классов.

При составлении учебника следует использовать методическое наследство (например пособие по литературе, написанное В. Острогорским, В. Стояниным, Л. Поливановым).

Надо бороться с учебниками типа Саводникова, «заменившего» чтение художественной литературы.

Надо использовать методический опыт лучших школ и преподавателей, как это было сделано при составлении учебника истории.

Во вступительной главе учебника следует выложить взгляды классиков марксизма-ленинизма и А. М. Горького на литературу и искусство и на этой принципиальной основе строить все дальнейшее. Материал должен быть расположен в хронологическом порядке, по периодам.

Следует создать три учебника: один

должен охватывать фольклор и литературу до конца XVIII века; второй — период литературы от Пушкина до Чехова; третий — от Горького до наших дней.

Вступительные очерки, характеризующие данную эпоху, должны предшествовать каждому большому хронологическому разделу. В них должны даваться основные сведения о событиях гражданской истории, о журналистике, о живописи, скульптуре, музыке, театре. Не надо забывать, что на преподавание литературы в старших классах полностью возложены задачи художественного воспитания учащихся — в музыке, в рисовании, в истории искусства в программе старших классов средней школы нет.

В учебнике необходимо ввести ряд писателей, которых Наркомпрос исключил из русской литературы, существование которых до сих пор «скрывалось» от учеников средней школы. Это — Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, М. И. Михайлов, А. К. Толстой, И. С. Никитин, А. В. Сухоходов-Кобылин, Н. Г. Помаловский, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, Н. С. Лесков и, наконец, А. И. Толстой.

Также необходимо расширить сопоставление русской литературы с литературой Запала.

Во все ссылки на западную литературу, все сопоставления с ней должны быть дамы так, чтобы каждую книгу, о которой говорится в учебнике, ученики могли прочесть.

В учебник должны войти только самые важные, самые существенные факты истории литературы.

Учебное пособие должно подготовить

ученика к будущей самостоятельной работе в вузе. Анализ произведений должен быть дан так полно и так ясно, чтобы, окончив школу, молодежь не только знала основные этапы истории литературы, но и умела самостоятельно подойти к истолкованию произведений, которых она до того специально не изучала. Главы о творческой лаборатории писателя должны раскрыть процесс работы над произведением, заинтересовать работой над словом.

Учебник должен прививать любовь, интерес и вкус к литературе, давать понимание и знание ее, учить критически мыслить.

В библиографических указателях должны быть указаны лучшие образцы из мемуарной литературы.

В конце учебника надо дать синхронические таблицы, сводящие воедино всю хронологию вступительных и основных глав учебника. В конце каждой главы должен быть вопросник и указатель основной литературы для внеклассного чтения.

Внешнее оформление и иллюстрации должны быть тщательно выполнены. Рисунки и портреты лучших русских художников должны найти место в учебнике.

Один учебник по литературе дела не решит. Учителю массовой школы совершенно не имеет пособий. Ему нужны краткие хрестоматии, комментированные тексты. Необходимо выпустить ряд монографий о писателях, основан «Библиотека учителя-словесника». Без такой библиотеки немисляма серьезная работа.

С. ГУРЕВИЧ
Преподаватель литературы в 12 школе.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Так и кончился разговор...

Много лет назад в вестибюле государственного издательства, среди прочих рукописных сообщений и объявлений, можно было прочесть следующее:

«Просьба, наконец, к Овизию Назону забрать свои авторские экземпляры».

Несколько дней вызвала эта мистическая бумажка к автору, не имеющему адреса. Овизию Назон не явился и не откликнулся.

Конечно, не редакторы классической литературы, не ученые исследователи, не влюбленные и рассеянные чудачки-специалисты вступили в спиритическую переписку с неким тов. Назоном. Объявление написано было технической сотрудницей, слишком добросовестно исполнявшей свои обязанности.

В наши дни та же редакция при Гослитиздате снова оказалась в затруднительном положении: к одному из редакторов — товарищу Денисову — вдруг среди белого дня явился автор, живой автор в пиджаке нормального покроя и в шляпе.

Гость так и отрекотомановался:

— Я автор... Хотел бы с вами поговорить.

Денисов понял, почему именно товарищ Денисов так растерялся? Может быть, потому, что редакция классической литературы, по самой природе своей, имеет дело исключительно с произведениями уже умерших художников, а к живым не привыкла и боится их? Неизвестно, ничего неизвестно. Во всяком случае, между советским редактором и советским автором произошел в высшей степени странный разговор.

— Что же вам угодно? — спросил с явным недоумением тов. Денисов.

— Хочу предложить вам книгу.

Казалось бы, предложение это нормальное в стенах Гослитиздата, назначение которого именно в том и состоит, чтобы выпускать книги. Тем не менее редактор был поражен чрезвычайным. Он смотрел на незнакомого широко раскрытыми глазами. В его глазах промелькнул звук! Внешне незнакомый ничем не напоминал собой ни Гоголя, ни Шелрина, ни Бальзака, ни Чехова, ни говоря уже о Боккаччо, о Данте, о Вергилии. Гость не был похож ни на одного из известных тов. Денисову авторов.

— Кто же вы такой? — наконец, спросил он.

— Советский писатель... — ответил гость и назвал себя.

Тут редактор облегченно вздохнул и откинулся в кресле. Он счастливо улыбался, как человек, только что благополучно избежавший величайшей опасности. «Советский писатель! Ну, этих мы вовсе не обязаны знать!» — выжевал он всем повеселевшим

существом своим. Какую же книгу намерен он предложить? Пожалуйста! «Говорите коротко. Не занимайте время у занятого человека. Сделал свое и уходил. Пожалуйста трудитесь, соблюдайте чистоту. Курить не разрешается»...

Именно такая работа мысли отразилась на лице редактора. Советский писатель объяснил, что он выпустил в Дегтине большую книгу, биографию Горького, что он был также редактором горьковского одноднемника, что положил он немало труда на изучение жизни и творчества великого пролетарского художника, что книги его вышли еще при жизни Алексея Максимовича и им авторизованы и одобрены. В общем, советский писатель задал написать новую книгу — биографию М. Горького для массового читателя.

Редактор посмотрел тогда в планы и ахнул — упустили, забыли, не предусмотрели! Ай, ай, непохоже получилось. Непременно надо включить в план книгу о Горьком для массового читателя. Вот за это, товарищ, спасибо, что напомнили.

— Вы кончили, товарищ? Спасибо. До свиданья. Большое вам спасибо!

— Когда же мне зайти? Обсудить детально план книги, заключить договор...

— Нет, нет, захотел нечаянно. Мы вас не знаем. Если бы знали, тогда другое дело. Мы бы заключили с вами договор уже сегодня. А раз не знаем, то и ходить не стоит, знаете ли...

— Мне, право, очень жаль... Но делу можно помочь. Неправда-ли? Можно познакомиться со мной. Я принесу вам свои книги. Вы и познакомитесь, прочтете.

— Нет, нет, что вы, милый. Никак нельзя нам читать. Нам, товарищ, некогда читать. Всего хорошего.

Советский писатель должен был отступить. Он вежливо поклонился над головой шляпу и в свою очередь пожелал всего хорошего, ушел.

Так и кончился этот разговор, по глубине и содержательности ничуть не похожий на «Разговор книгопродавца с поэтом» и вообще ни на что не похожий.

Многолетней давности конфуз с Овизином Назоном налагал тень на советскую редакцию классической литературы лишь косвенно. Новый анекдот с той же редакцией, разглагольствовавший несколько дней назад, касался ее уже прямо, непосредственно.

Создается трудное, вполне безвыходное положение.

Чем же можно помочь советскому редактору, который советских авторов не знает, не читает, знать не намерен и читать не хочет?

А. ЗРЛИХ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПУШКИНЕ, ГОГОЛЕ, Л. Н. ТОЛСТОМ, ЧЕХОВЕ

В Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве хранится 106 листов (аметок) Л. Н. Толстого. По содержанию своему листы эти неоднородны и касаются различных предметов. Большая часть — это подготовительные материалы исторического и бытового характера, которые Л. Н. Толстой собрал для задуманного им романа из жизни Петра I.

На других листках — выписки посланий и поговорок, а также выписки из дневникового характера, и наконец третья часть — ряд филологических наблюдений Л. Н. Толстого. Они касаются особенностей словообразования и словоупотребления в русском языке, имеются также и выписки особенно метких слов и выражений. Выписки не только пространно доказывают, какой большой интерес представляли эти выписки и наблюдения. Последняя из трех указанных групп — филологические заметки Л. Н. Толстого впервые публикуются в только что вышедшей Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина небольшой, но весьма содержательной книге, которая называется «Записки отдела рукописей» библиотеки. В разделе «Из неопубликованных материалов», кроме указанных заметок Толстого, находятся еще автографы А. С. Пушкина, ранние письма Л. Н. Толстого, письмо Гоголя, новые письма А. П. Чехова и др.

Особый интерес представляют опубликованные в сборнике письма Л. Н. Толстого к Т. А. Ергольской, о которой много лет спустя, в своих «Воспоминаниях детства», он говорил: «Третье после отца и матери, самое важное лицо в смысле влияния на мою жизнь была тетенька, как мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская». Первое из этих писем относится к 1838 году.

В группе гоголевских материалов приводятся, кроме письма Н. В. Гоголя два замечательных документа, имеющие непосредственное отношение к истории сожжения Н. В. Гоголем рукописи «Мертвых душ». Известно, что гр. А. П. Толстой, в доме которого произошло это трагическое событие, всячески пытался изобразить его не как действие, выванное крайним болезненным состоянием Гоголя, а как своеобразный христианский подвиг, совершенный вполне сознательно, в здравом уме и твердой памяти. А. П. Толстому и многим другим из последнего окружения Гоголя очень хотелось укрепить и распространить эту легенду о предсмертном «подвиге» великого писателя; и вот ближайший человек из этого окружения, М. П. Погодин, в некрологе о Гоголе, помещенном в мартовской книжке «Москвитинна» за 1852 г., самым безжалостным образом разрушил ее. Не стеснявшись заранее с А. П. Толстым, Погодин привел в этом некрологе следующую фразу Н. В. Гоголя, из которой становилось совершенно ясным, что Гоголь сжег совсем не то, что хотел: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, ладно уже на то определенное, а сжег главы «Мертвых душ». Глубокие сожаления по поводу этого гоголевского шага Погодина и составляют тему двух коротких записок, опубликованных в этом разделе.

В других разделах сборника приводятся обзоры архивных материалов, заметки и сообщения об архиве кн. А. И. Чернышева, архиве М. Н. Каткова, архиве печальной памяти генерала А. М. Стесселя, информация о новых приобретенных отделах рукописей — дневника Н. И. Кривцова, рабочей тетради В. К. Кухельбеккера и др.

Из иллюстраций, помещенных в сборнике, следует особо отметить впервые публикуемые в книге снимок с акварельного портрета Н. В. Гоголя работы Александра Иванова.

Н. ИПОЛИТОВ

СОЗДАТЬ УЧЕБНИК, ДОСТОЙНЫЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Парская Россия была мачехой для лучших сыновей народа. Она погубила Радищева, затравила Пушкина и Лермонтова, задушила Рылеева, в расцвете творческих сил свела в могилу Белинского и Добролюбова, замучила на каторге Чернышевского, тюрьмы и солдатничью пыталась развить гений Шенченко, нищетою и болезнями — прекрасные таланты Николая Успенского, Помяловского, Решетникова, заставляла бежать за границу Герцена, свела с ума Гаршина и Глеба Успенского, травила и преследовала М. Горького.

Парская Россия обрекла гениального Пушкина на «невольничье» существование; поэта, рожденного для счастья, заставила почувствовать себя «кустальным рабом», для которого «на свете счастья нет», вырвала у него вопль: «Чорт догадал меня родится в России с душою и талантом!».

Показать трагические судьбы этих великих людей, воспеть в нашей молодежи чувство гордости писателями, сумевшими, несмотря на преследования, ссылки, солдатничью, потоки клеветы, создать искусство, восхищающее мир, — такова первая задача составителей учебника.

Наша школа не знает национальной розни, наши дети чувствуют себя гражданами мира, товарищами и братьями всех борющихся против капиталистического гнета. Великой русской литературе были чужды человеконенавистничество, звериный шовинизм, обывательская узость интересов. Она была зеркалом души свободной, гуманной и мудрой нации. Раскрыть детям гуманистический характер русской литературы, ее благотворное влияние на мировую литературу, ее интернациональное значение — такова вторая задача составителей учебника.

Произведения Радищева, Гоголя, Салтыкова, Некрасова, Чехова, Горького и ряда других писателей дали поразительный по силе воздействия материал для воспитания в наших учащихся чувства ненависти ко всяческому угнетению человека человеком. Наша литература сыльна страстным отрицанием пошлости, востости, варварства, буржуазно-обывательского свинства и бесцерковности. Воспитать в детях ненависть ко всему уродливому и страшному, чем наполнен

но было прошлое старой России, и одновременно пробудить любовь к героическому прошлому народа, чувства беспредельной преданности советской родине, одним словом, воспитать советского патриота, одиного страстно любить и ненавидеть, — такова третья задача составителя учебника.

Сила литературы в ее связи с народом. И Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, и Некрасов, и Толстой, и Горький, и Маяковский, как и Гете, и Шекспир, и Байрон, и Шота Руставели, и гениальный автор «Слова о полку Игореве», — все они черпали в народном искусстве вдохновение, образы, сюжеты для своих замечательных творений. Подобно герою греческой мифологии Антею, они, приходя к матери-земле — к народному искусству, черпали в нем силы для жизни и творчества. Раскрыть глубокую внутреннюю связь нашей литературы с народным творчеством, положить в основу выказывания Горького о фольклоре, — такова четвертая задача составителей учебника.

Советская школа должна готовить стране безупречно грамотные, широко образованные кадры будущих специалистов. И это она сможет тем успешнее, чем полнее и ярче смогут авторы учебника рассказать о жизни людей и важнейших событиях не только литературы, но и смежных искусств: театра, живописи, эстетства. Нельзя, нам кажется, говорить о Гоголе и не сказать ничего о Федотове; нельзя, рассказывая о поэтах и прозаиках 60-х годов, просто и ярко не рассказать о художниках-передвижниках — Перове, Савишном, Репине и др.; нельзя, изучая пьесы Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского, Чехова, Горького, не рассказать о русском театре, о величайших русских актерах. Ведь наши же возможные авторы учебников по истории для начальной школы, работавшие под руководством проф. Шестакова, рассказали о Радищеве, Пушкине, Рылееве, Белинском, Шевченко, Герцене, Чернышевском, Некрасове, Толстом, Репине!

Всеми мерами содействовать расширению культурного кругозора учащихся — такова пятая задача составителей учебника.

Нам представляется необходимым, чтобы учебники по литературе были приближены к учебной программе по литературе. В учебнике для 8 класса должны быть поименованы специальные главы, посвященные Мольеру и Байрону, в учебнике для 9 класса — глава, посвященная Бальзаку, в учебнике для 10 класса — главы, посвященные

Пушкину, Шекспиру и поэзии народов СССР. Только в этом случае учебники смогут дать достаточно глубокие и систематические знания нашим школьникам.

Школы нашего социалистического отечества ставят своей задачей воспитание гармонично-развитого человека: волевого, мужественного, обладающего пытливым умом, «благородной упрямкой», твердостью характера, ломающей «все и всякие препятствия...». Наши юноши и девушки должны уметь видеть и слышать мир, обладать хорошим вкусом, чувством изящного. Вся сложность, богатство и красота мира должны быть открыты им.

Наших школьников надо научить ценить и понимать красоту меткого и выразительного слова, мудрую простоту и музыкальность пушкинского стиха, стремительную мощь стихов Маяковского, величавую прелесть произведений Джамбула и Сулеймана Стальского, Помочь формированию нового человека, человека-творца — такова шестая задача составителей учебника.

Составители учебника справятся с поставленными перед ними задачами только в том случае, если они изучат и обобщат опыт лучших мастеров педагогического дела, если они вплотную подойдут к жизни и работе школы и учителя.

Учебник — это книга для миллионов. К созданию этой книги необходимо привлечь лучшие критические и писательские силы страны. Делом чести для советского писателя и литературоведа должно стать участие в составлении такого учебника, который будет полностью удовлетворять взрослым запросам школы.

Дать полноценный учебник — это значит вооружить то поколение, которому предстоит настоящая задача создания коммунистического общества». (Ленин)

Д. РАЙХИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Помешая статью гг. Райхина и Гуревича, редакция «Литературной газеты» начинает тем самым обсуждение вопроса о структуре, характере и титле учебников по литературе для средней школы. Редакция «Литературной газеты» просит писателей, литературоведов, преподавателей высказаться по выдвинутым в этих статьях вопросам.

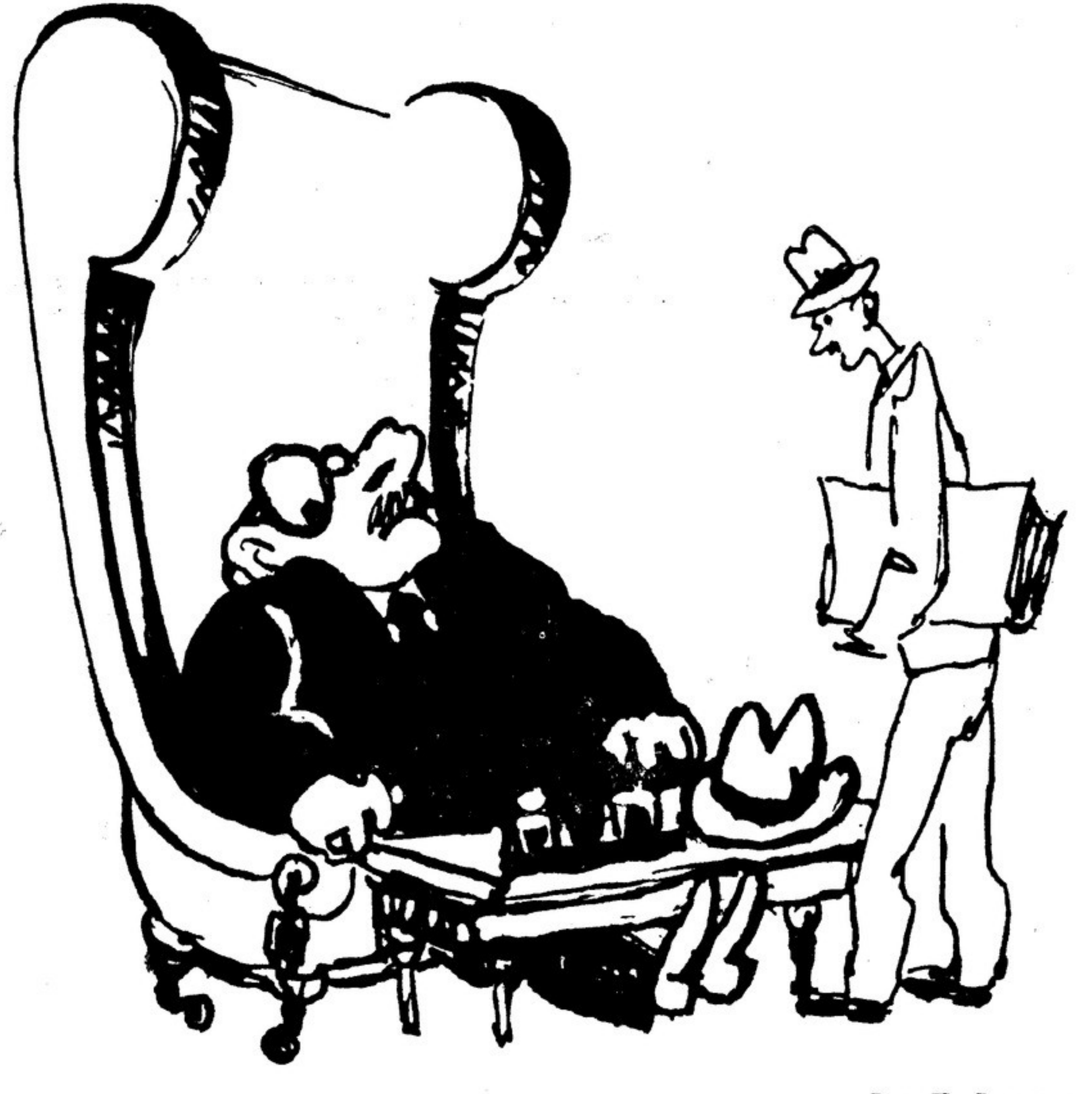

Рис. Н. Соколкина.

Прочитайте внимательно эти два описания и сравните их.

Вот первое:

«Крутой восьмисажженный спуск меж замшелых в прозелени мезовых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломанная каменная нацелованная волнами галька и дальше — перекинутая под ветром вороненой рябью стремящаяся на восток — за краснотомом туманных плетней — Гетманский шляк, пошленная прелесть, истоптанная конскими копытами бурлы, живущая придорожник, часовенка на развилке; за ней — задернувшая текущим маревом степь».

А вот второе:

«За Доном в лесу прижалась тихая, ласковая осень. С шестом падали с тоной сухие листья. Кусты шиповника стояли, будто облитые пахучим, и красные ягоды в редкой листве их вылали, как огненные язычки. Неподдалеку стоял куст черноклена. Несказанно нарядный, он весь сиял под холодным осенним солнцем, и раскинутые ветви его, отогнанные пурпурной листвой, были распахнуты, как крылья взлетающей с земли сказочной птицы».

Первое описание взято из начала первой книги «Тихого Дона». Второе — из четвертой книги. Их разделяют четыре книги романа и более десяти лет творческой работы.

Молодой автор «Тихого Дона» начал писать свой роман в ту пору, когда наша художественная проза испытывала влияние всяческих стилистических исканий, не столько помогавших разрешать задачи, стоявшие перед советской литературой, сколько осложнявших разрешение их. Некоторые из писателей увлекались орнаментальной прозой; другие видели художественное очарование в прозе ритмической; с подчеркнутыми звуковыми повторами; третьи вылегали на скак и местный диалект; четвертые в своих произведениях соединяли все эти элементы. В какой-то мере это отразилось даже в произведениях писателей, далеких от подобных стилистических исканий. Прочтите еще раз сложное, возмужающее образными и определениями и пытающееся к ритмизации и звуковым повто-

рам описание из первой книги «Тихого Дона», и вы убедитесь в этом.

Что касается приведенного здесь описания из четвертой книги романа Шолохова, то его можно было бы охарактеризовать словами Горького, сказанными им в связи с одним из преносудных описаний в «Стени» Чехова: «все — ясно, все слова — просты, каждое — на своем месте».

Путь к художественной простоте, это — путь к зрелости, к реалистическому мастерству. Для ряда наших писателей этот путь явился вторым рождением. Шолохов не был в таком положении. С такой же постепенностью, как развиваются действие его романа и характеры его персонажей, неуклонно росло и крепло мастерство самого писателя. Шолохов не успокаивается на достигнутом. Четыре книги «Тихого Дона» и «Поднятая целина» — это десять-двенадцать лет упорной работы над словом, беспреданного стремления к ясному и явленному, точному выражению событий, чувств и мыслей. И каждый, кто прочтет начатую часть четвертой книги (в журнале «Новый мир»), сразу ощутит здесь большую художественную зрелость, подлинное мастерство.

Это, понятно, относится не только к языку романа. Четвертая книга вносит новые черты и в описание событий и в раскрытие образов персонажей. Не хотелось бы повторять здесь то, что мною написано по поводу этого в статье о расходе семьи Мелеховых («Литературный критик», № 5) и в статье об эволюции Григория в седьмой части («Литературное обозрение», № 10). Здесь хотелось бы отметить одну характерную и очень важную черту последней книги романа Шолохова.

В седьмой части романа мало действия (если не считать территориальные передвижения) и много размышлений и разговоров. Это не случайно. Излагаемая события, развернувшиеся после событий, описанных в третьей книге «Тихого Дона», последняя книга романа в то же время развивает и обогащает заложенные в предыдущем повествовании тенденции, углубляет и заново переосмысливает душевные движения и причинные эволюции героев, в частности Григория. Эти дополнения и переосмыслен-

ножественно оправданы, так как непосредственно мотивированы развитием исторических событий.

Вот Григорий. Один из особенностей его характера — искать правду собственным умом и опытом. Он хочет увидеть ее собственными глазами, пощупать собственными руками. И в этих своих поисках правды он то и дело горько ошибается и больно ушибается. Но тем тверже его выводы и суждения. Еще в третьей книге он начинает осознать неправоту белокачественного движения. Это происходит не потому, что Григорий в какой-либо мере понадеялся на большевиков «лучше». Нет, он понимает, что большевики «лучше». Переоценка происходит исключительно на основании анализа людей и целей белого лагеря. И в четвертой книге эта переоценка принимает более решительный характер.

Здесь Григорий еще глубже познает противоречия интересов трудового казачества и верхоявляющих борьбу против большевиков офицеров и помещиков. После каждой встречи с «господами» в нем кипит протест и ярость против тех, с которыми он связан как с соратниками, ярость против тупоголовых «белоручек», составляющих его проанализировать «почти большевистские» речи.

И ко всему тому, что с гневом и разочарованием пришлось познать Григория, прибавилось тревожное сознание еще одной, весьма плачевной истины: за громкими фразами о спасении Дона, России, родины крылась не только мечта о восстановлении старого эксплуататорского строя, но — во имя осуществления этой мечты — и прямое предательство родины.

С Григорием случилось то, что произошло со многими трудящимися казаками, обманутыми демагогическими лозунгами белогвардейцев в годы гражданской войны. Очень скупо и выразительно, без особых комментариев, свойственных ему прежде, Григорий раскрывает героев в положении и действиях. Шолохов рисует отношение Григория к интервенции,

Григорий встретился с «союзниками» неожиданно. В узком переулке навстречу ему двинулась шестерка мулов, везшая английское оружие. Сбоку ехал верхом англичанин-офицер. На нем был пробковый шляп. Движением головы он попросил сторониться, разжаться было очень трудно.

«На шеках Григория заиграли желткая. Стиснув зубы, он ехал прямо на офицера. Тот удивленно поднял брови, чуть поосторожничал. Они с трудом разжались, и то лишь тогда, когда англичанин положил правую ногу, туло обняв край, на лондонских, гладко вычищенных крупе породистой кобылках».

Когда нашлаба Конычев упрекает Григория и говорит: «Причем тут этот англичанин? Или тебе его шлем не по нраву?», Григорий отвечает ему: «Мне он тут, под Усть-Медведицею, что-то не по нраву... Ему бы его в другом месте носить... Две сапожки грызутся — третья не мешайся, анашки... Я бы им на нашу землю и ногой ступить не позволил!».

Замечание Конычева о том, что красивые тоже, мол, пользуются «чужеземной помощью», что у них — китайцы, встречает протест со стороны Григория. «Тут korzyти нету».

Колониальная пробковая шлем оказалась многозначительной деталью, посредством которой Шолохов рассказал очень много.

К этому эпизоду примыкает и знаменательная встреча Григория с английским танковым инструктором и сопровождавшим его в качестве переводчика белогвардейским поручиком. Этот разговор за «коньяком» — одно из интереснейших мест в романе. Здесь оказывается, что у поручика одна дорога с Григорием, «да еду все по-прежнему... Один ближе светит, другой едет дальше, вроде как на поезде». Григорий говорит: «До конца у меня канитала на билет нехватит». Поручик же прекрасно сознает, что у него «другое положение: если даже высадит, то пешком по шпалам пойду до конца». За этим иносказательным обменом мнения следует омерзительный пост поручика за родину... англичанина. По собственному его признанию, поручик говорит об Англии «как такой же завистлив, с какой говорит уличный мальчишка, имеющий мать потаскуку с проломленным носом, о прилюдной бары-

не — матери своего случайного друга-барчука». Поручик желает не о чем, ибо оказалось, что у него «вообще нет родины. Ну, и чорт с ней».

Все это возмущает Григория: «Какая бы ни была мать, а она родней чужой... Вам не советую так про свою родину говорить?».

Но самое интересное происходит в конце разговора. Выясняется, что англичанин убежден в том, что белым не справиться с большевиками, так как «народ нельзя победить». Это заинтересовало Григория. Он попытается, «почему это красивые не должны побить?» Ввиду отсутствия переводчика (поручик дополнил до потери сознания) разговор перешел в пантомиму. Англичанин «поднялся на середину стола аристокровую косточку, рядом с ней, как бы сопоставляя, ребром поставил свою большую ладонь и, сцепив языком, прикрыл ладонью косточку».

— Также выдумал! Это я и без тебя понимаю... раздумию пробормотал Григорий. Качнувшись, он обнял гостеприимного лейтенанта, широко движением показал на стол, поклонился. — Спасибо за угощение! Прощай. И знаешь, что я тебе скажу? Всякая-ка ты поскорей домой, пока тебе тут голову не свернули. Это я тебе — от чистого сердца. Понято? В наши дела нечаянно вам мешаться. Понял? Всякая, пожалуйста, а то тебе тут настоятлют!».

Различными и своеобразными путями приходили и приходят люди к осознанию подлинной правды, правды социалистической революции. Своеобразен и путь доносчика казака Григория Мелехова. Смешно было бы предполагать, что его разочарование в белокачественном движении, отход от него и нарастающее в нем тяготение к большевикам были до конца сознательными. Смешно было бы предполагать, что, увидев, как белогвардейцы продают и продают родину, он сознает существование по ту сторону фронта другого, подлинного народного патриотизма. Вопрос о родине возник у него как животрепещущий конкретный вопрос. Отношение к ней белогвардейцев, призывавших на помощь «союзников», стало для него ясно. Он уяснил и то, что приход интервентов угрожает порабощением трудящихся казаков, интересы которых он пытался защищать, идя по неверному, противоречивому пути же является неверным. Цинизм и предательство белогвардейских «патриотов» окончательно убеждают его в ошибочности его пути.

И уже одно это является огромным прорывом в сознании Григория.

Вспомним, что в начале гражданской войны смысл ее сводился, в затуманенной сознанием предрассудками и контрреволюционной «националистической» демагогией казачьей голове, к походу «мужичьей» Руси на Дон, на казачьи земли — путь всеобщей. С развитием классовых борьбы Григорий уясняет, что в смертельной схватке столкнутся не «Русь с Доном», а два лагеря, размежевавшиеся на Руси и на Дону. И вот здесь вопрос о родине вышел за пределы вопроса о Донской земле. Вместе с ненавистью к белогвардейским «господам» и интервентам у Григория возникло более широкое понятие родины.

Патриотическая коллизия — всего лишь один из мотивов, которыми обогащается характеристика развития психологии Григория в четвертой книге романа. Она возникает в его сознании пока еще как смутный процесс. Не надо поэтому придавать ей значение большее, чем это было в историческом действительности. Она в этом не нуждается, ибо достаточно того, что это — правда, та правда, которая лежит в основе постепенного и противоречивого развития характера героя и шолоховского изображения людей и событий.

Мы остановились на этом моменте не только для того, чтобы охарактеризовать один из новых мотивов, возникших в последней книге «Тихого Дона», и не только для того, чтобы дать анализ одной из фаз развития Григория. Все это имеет непосредственное отношение к художественному мастерству.

Без этой правды искусство слова превращается в пустое. Разве мастерство и зрелость писателя сказываются только в языке, в умении «подать пейзаж» и т. п.? Основное в искусстве — раскрытие образа человека. Реалистическое развитие характеров — это то, чем «Тихий Дон» пленяет миллионы советских читателей.

Л. КВИТКО

Бубенцы звенят-играют

Бубенцы звенят-играют
На первой пролетке,
На второй пролетке...
На пролетке сваты-прати,
Невеста в середине...
Невеста в середине.

Ой, ой, все запело!
Что ж невеста онемела?
Ой!
Только выехали в поле,
Как навстречу конный,
Как навстречу конный.

О слове

О сладостной слове, о слове ее
Никто не сказал еще слово свое.
Но скажет когда-нибудь дерзкий поэт
О слове, которой прекрасное нет.

Как вечер на ней оседает росой.
Как тонко над ней изогнулся сучок...
Так думал о слове один червячок.
Пробрался он к самому сердцу ее

В. КОЗИН

КРАЙ ПУСТЫНИ

Отрывок из повести «Сельские сны»

После окончания института зоотехники Кулагин поехал посмотреть мир. В Москве, проведя, Кулагин познакомился с Тиной; через три дня он предложил ей стать его женой, и Тина уехала со своим спокойным мужем в Среднюю Азию. Родное разное село и Москва стали прочными, началась жизнь под солнцем, — лошади, овцы, пшеница, простор.

В Ашхабаде Кулагин снял у иранца, за Текинским базаром, две комнаты с мебелью, оставил жену привлекать к новому городу и его нетеропливому населению, сам уехал в пшеницу, к стадам каракулевых овец.

Тыне нравился этот русский двор с птицей, собакой на цепи и двумя поросятами. Она глядела поросят, поросята, опрокинувшись на спину и закрыв глаза, сладко стонала. К приоткрытым воротам подехала легковая машина. Из-за руля вышел директор совхоза Метелин, весь в белом, с улыбочкой; лицо у директора было крупное, губы толстые.

Кулагин уехал с экспедицией в пшеницу. Тина осталась одна — ждать, вспоминать, воднолазить. У Метелина без старшего зоотехника прибавилось забот и огорчений, он начал забывать о молоке и тонких пальцах. Но как-то, возвращаясь из долины, он остановил машину у колодца в долине.

БОРИС ЛЕБЕДЕВ

Я СЛУШАЮ КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ

В двенадцать часов по ночам
Я радиопомпю включую.
Я слышу, как бьют над Москвой
Куранты на башне Кремлевской.
Пока над землей пылуют
В пространстве
Улар за уларом.
Я слышу.

Перевела Е. БЛАГНИНА

Недавно издательство Академии наук СССР выпустило переписку Горького и Чехова. В книге собраны письма писателя, охватывающие шестилетний период с октября 1908 г. по 2 июня 1914 г. Переписка обрывается ровно за месяц до смерти Чехова (2 июля). Письма Чехова, за исключением одного письма, были ранее уже опубликованы в письмах Горького в основном печатаются впервые.

Основное, что отличает переписку Горького и Чехова, это ясность, простота и честность писателя. Горький был человеком общения Горькому было 31 лет, Чехову на 8 лет больше. Алексей Максимович уже прошел тяжелую школу обучения в «Людях», у него уже солидный репутационный стаж, от работы в провинциальной печати (Тифлис, Казань, Самара, Н.-Новгород) он переходит к участию в столичных журналах («Русское богатство», «Новое слово», «Журнал для всех»). К этому времени в Петербурге выходят два тома его «Очерков и рассказов», вызвавшие оживленное обсуждение творчества молодого писателя в печати. Антон Павлович к моменту возникновения переписки — известный писатель, в активе которого уже пять томов сочинений, он отмечен пушкинской премией Академии наук, он автор пьес «Иванов» и «Чайка», он писатель с большим именем, за которым охотятся журналы и издательства. И несмотря на разницу в «иерархическом» положении писателя, на разницу в годах, на различие литературных «станций», у них сразу завязывается настоящее общение. Уже в третьем своем письме А. П. Чехов пишет:

«Спасибо Вам за письма, за то, что благодаря Вам наша переписка так легко вошла в колею».

Надо сказать, что из этой «колеи» переписка уже не выходила. Горький молот. У него успех, его бешено хвалят и так же бешено поносят. В голове теснятся много планов и творческих замыслов. Но Горький еще не уверен в себе. Такого ли он действительный? Так ли пишет, как надо? Ведь он «самоучка»! Нужно чье-то высшее слово. Необходимо, чтобы кто-то, кому он верит, кого уважает, сказал бы ему искренно о его писанках, ответил бы ему по-настоящему на «прокатные» вопросы. И Горький пишет Чехову, которого очень любит и ценит как писателя. В первом же письме своем, обращенном к Антону Павловичу, он объясняет, «я хотел бы выразить мой восторг, — пишет он, — перед удивительным талантом вашим, восхищаясь».

«Милая, не обращайтесь внимания, в каждом месте есть своя драма. — Ой, вы белая! — Это вы затерли! Но днем на солнце не лежать, понятно? Солнышко у нас дыко. — Чаю не хотите? — Нет, вот холодного молочка бы!»

В долинах строили овчарни, коровники, конный двор, контору, дом для специалистов. Над полями стояла пыль, дорога была разбита в прах. Каждый день Метелин ездил на машине из Рабата в долины через поселок и останавливался на минуту у дома под тополями выпить холодного молока. Строители подвозили контору под крышу, начали вербовывать навоз.

Кулагин уехал с экспедицией в пшеницу. Тина осталась одна — ждать, вспоминать, воднолазить. У Метелина без старшего зоотехника прибавилось забот и огорчений, он начал забывать о молоке и тонких пальцах. Но как-то, возвращаясь из долины, он остановил машину у колодца в долине.

В этот день большая долина его породовала: колодезные мастера расчищали Мясной родник, и по долине обильно пошла пресная вода. В комнате у Тины был послеполуденный спокойный полумрак. Метелин опустился на стул и с удовольствием вытянул ноги, лицо его горело от солнца и пыли. Тина принесла из подвала молоко, она была обрадована и смущена, двоясь, как ее стали быстрыми, легкий халат распахивался.

Метелин выпил залпом стакан, встал, обнял женщину за плечи и поцеловал в шею. Тина застыла. Руки у Метелина были большие, сильные. — Не стыдно? — спросила Тина, сподобив повернуть голову, и бессильно улыбнулась. Метелин засопел, разжал руки и сел на стул. — Больше не дам молока, не приезжайте. — ласково сказала женщина и убрала кувшин.

— Простите, не удержался. — Уважать не стану. — Честное слово, никогда не буду. Дайте же стаканчик! — Помните, милая! — Не драматизируйте! С одной стороны поселка стояли холмы, на их каменистых склонах лепилась фисташковая зелень, с другой — простиралась байрацкая степь.

Метелин вынул кувшин молока, рассказывал Тине о Мясном роднике, перелистал свежие зоотехнические журналы на столе Кулагина и, прощаясь, сказал: — Дорогая, вы на меня не сердитесь, хорошо? Это у меня случайно сорвалось. — А я надеюсь... — Насмешница! Смотрите, Кулагин не насмешничает, он — дурачок. — Скажу, что такое в самом деле? Пользуетесь своим служебным положением? — Эм... Тина Алексеевна, времячко, как реченка, успевай поворачиваться! Жизнь короткая, а жить страшно хочется. И любить. — Ну, и любите. — Некогда. Слушайте, почему вы ничего не делаете? — Я поправляюсь. — Довольно поправляйтесь, распева так, что смотреть нельзя, жрать хочется. — А я-я-я! У моего Андрюшки научилась! — Нет, это я сам. — Язык у вас у всех! — Язык живой, народ мы простой, па-стухи да пораннички... Тина проводила Метелина до ворот. Машина понеслась вдоль улицы, ругнувшись за собой пылью. Над поселком стояли аной и тишина. — Хорошая дядя, — прощентала женщина. Пыль от машины достигла до нее и окутала. Женщина торопливо захлопнула калитку.

В ответном письме Чехов роиет скучную строку: «Вчера на ночь читал Ваму «Армарку в Голте» — очень понравилось...» В очередном письме Горький уже прямо ставит вопрос перед Чеховым: «Очень яму письма от вас, очень хотел бы услышать ваше мнение о моих рассказах». И получает прямой и нелицеприятный ответ: «(Вы) Талант несомненный и притом настоящий, большой талант. Например в рассказе «В степи» он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал». Но Чехов не ограничивается «комплиментами» своему адресату. Он деликатно, но вместе с тем и сурово говорит о недостатках Горького. Он упрекает его в «несдержанности в описании природы», в изображении женских персонажей, в передаче любовных сцен. Подруги, умно и тактично он рекомендует ему набрать обилия таких слов, как «комплимент», «диск», «гармония». Этот трех («вычурные слова») Горький признает за собой, равно как и признает правильной общую оценку Чеховым его недостатков по части стиля и языка.

Письма следуют одно за другим. Отношения крепнут, писатели сближаются. Обращения «многоуважаемый» сменяются аплетитами «дорогой» и «драгоценный». Они обмениваются фотографиями, а затем и писемками лично. Диапазон «тематик» писем расширяется. Появляются общелитературные темы. Особенно подробно Горький останавливается на своих впечатлениях от встреч с Л. Н. Толстым, дает меткие и алге характеристики толстовскому окружению. Интересны для понимания раннего Горького, периода становления его литературных симпатий и вкусов, упоминания, разбросанные в письмах, о ряде иностранных писателей — Г. Мопассане, Торе Гелберге, А. Стриндберге, Э. Ростане, Г. Анжунно, его замечания о символизме, о Художественном театре, который он очень ценит, с которым, при помощи Чехова, сближается, для которого пишет пьесы («Мещане» и «На дне»).

Однако основным содержанием писем Алексея Максимовича почти на всем протяжении переписки остается его неистощимое искреннее желание поучиться у Чехова. Чехов идет навстречу этому желанию. «В Вашем «Кирлике», — замечает он в одном из писем, — все портит фигура венского начальника... Не изображайте никогда земских начальников». Эта последняя, типично чеховская фраза, несмотря на ее шуточный тон, не носит, однако, характера шутки, ибо ниже А. П. объясняет свою мысль: «Нет ничего лучше, как изображать несимпатичное начальство...». В письме от 22-25 апреля 1899 г. Горький, уже не юнчик, хотя по тому времени и спорный, фигура на литературном Олимпе, пишет своему старшему товарищу следующие строки. Будем говорить прямо — мне хочется, чтобы порой вы указали мне мои недостатки, да-

М. Горький и А. Чехов. Переписка. статья и высказывания. Под редакцией С. Д. Балухатого М.—Л., 1937, 288 стр. Тир. 20225 экз. П. в перепл. 11 руб.

Дорогая привычка Горького

«...любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она открывает ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...» — пишет Максим Горький, и слова эти, возмечивающие книгу, пронесены им через всю его многоветвистую творческую жизнь.

Если говорить вкратце все его высказывания о книге, рассыпанные в речах героев его произведений, в громадном количестве его публицистических и литературных статей, в тысячах писем к сотням корреспондентов, то получится обильный том острых и умных афоризмов на один и тот же мотив — слово «книга» как источник света и знания.

Будучи мальчиком-посудником на волжском пароходе, Горький под влиянием пароходного повара Смурого пристрастился к чтению и с тех пор не расставался с книгой, которую называл своей «дорогой привычкой». Через грудь старинных книг XVIII века, хранившихся в сундуке Смурого, книг устарелых, отмерших и в значительной степени потерявших свое значение, через бесчисленные томы бульварных, меланхолических и детективных романов, выхваченных из соседнего лавочника, Горький, постепенно расширяя горизонт и развивая свои литературные вкусы, доходит до овладения классической литературой во всем ее объеме.

Недаром его за неадекватную жажду чтения сверстники ранних годов называли «книгожором». Скоро за Горьким-читателем пришел и Горький-собиратель книг. В начале октябрьской, да и под конец ее вполне окрепшая, жизнь Горького, казалась бы, мало способствовала какому бы то ни было собирательству, однако не было такого момента, когда бы писатель не имел собственной библиотеки в большем или меньшем масштабе. Куда бы он ни приехал, он немедленно начинал буквально обрабатывать книгами. Но отношение Горького к своей библиотеке всегда было своеобразно, «чувство жадности владельца-собирателя». Прочтенную Горьким книгу всякий мог брать свободно и уносить к себе безвозвратно.

Скоро за Горьким-читателем пришел и Горький-собиратель книг. В начале октябрьской, да и под конец ее вполне окрепшая, жизнь Горького, казалась бы, мало способствовала какому бы то ни было собирательству, однако не было такого момента, когда бы писатель не имел собственной библиотеки в большем или меньшем масштабе. Куда бы он ни приехал, он немедленно начинал буквально обрабатывать книгами. Но отношение Горького к своей библиотеке всегда было своеобразно, «чувство жадности владельца-собирателя». Прочтенную Горьким книгу всякий мог брать свободно и уносить к себе безвозвратно.

Скоро за Горьким-читателем пришел и Горький-собиратель книг. В начале октябрьской, да и под конец ее вполне окрепшая, жизнь Горького, казалась бы, мало способствовала какому бы то ни было собирательству, однако не было такого момента, когда бы писатель не имел собственной библиотеки в большем или меньшем масштабе. Куда бы он ни приехал, он немедленно начинал буквально обрабатывать книгами. Но отношение Горького к своей библиотеке всегда было своеобразно, «чувство жадности владельца-собирателя». Прочтенную Горьким книгу всякий мог брать свободно и уносить к себе безвозвратно.

Скоро за Горьким-читателем пришел и Горький-собиратель книг. В начале октябрьской, да и под конец ее вполне окрепшая, жизнь Горького, казалась бы, мало способствовала какому бы то ни было собирательству, однако не было такого момента, когда бы писатель не имел собственной библиотеки в большем или меньшем масштабе. Куда бы он ни приехал, он немедленно начинал буквально обрабатывать книгами. Но отношение Горького к своей библиотеке всегда было своеобразно, «чувство жадности владельца-собирателя». Прочтенную Горьким книгу всякий мог брать свободно и уносить к себе безвозвратно.

Скоро за Горьким-читателем пришел и Горький-собиратель книг. В начале октябрьской, да и под конец ее вполне окрепшая, жизнь Горького, казалась бы, мало способствовала какому бы то ни было собирательству, однако не было такого момента, когда бы писатель не имел собственной библиотеки в большем или меньшем масштабе. Куда бы он ни приехал, он немедленно начинал буквально обрабатывать книгами. Но отношение Горького к своей библиотеке всегда было своеобразно, «чувство жадности владельца-собирателя». Прочтенную Горьким книгу всякий мог брать свободно и уносить к себе безвозвратно.

ли совет, вообще — отнеслись бы ко мне, как к товарищу, которого нужно учить». В другом письме он раскрывает свое отношение к Чехову: «Я вас, батюшка, — люблю, люблю очень, горячо, люблю, когда еще не знал, люблю — люблю еще больше. Мне дорого каждое ваше слово и вашим отношением ко мне — горжусь, будучи уверен, что оно — лучшая моя похвала и самый ценный подарок от судьбы».

Чехов предельно писательское будущее Горького и нежно, по-дружески, «опекал» его. Почти в каждом своем письме он останавливался на творчестве Горького, «критикуя» его писания. «...в рассказе Вы дайте, — пишет он в письме от 3 февраля 1900 г., — две-три фигуры, но эти фигуры стоят осязающим, вне массы; видно, что фигуры эти живут в Вашем воображении, но только фигуры, масса же не сквачена». В конце этого письма Чехов пишет: «Как бы ни было, будьте добры, чеховским и товарищам, не сердитесь, что я в письмах читаю Вам наставления, как проповедь». В ответном письме Горький пишет своему другу и литературному наставнику: «Мне ужасно нравится, что вы в письмах «идеи» — «как проповедь» читаете наставления. — я уже говорил вам, что это очень хорошо. Вы ко мне относитесь лучше всех «собратьев по перу» — это факт».

Переписка Горького и Чехова — исключительный по яркости материал, предельно значимый для литературоведов и биографов двух виднейших представителей нашей классической литературы.

Эта переписка очень поучительна для наших молодых писателей. Они должны прочитать ее не только как собрание блестящих по форме эпистолярных документов, имеющие историко-биографическое значение. Нашей литературной молодежи очень многому у нас можно поучиться. Книга учит необходимости извлекать из ложного самолюбия, от завистливых, которые тормозят рост наших литературных кадров, мешают развитию советской литературы.

«Сентенция», содержащаяся в последнем абзаце, может, впрочем, относиться не только к «молодым», но и к «старшим» писателям. Желание выражения Горького о «собратьях по перу», вытекает из канвы, достаточно характеризует литературную среду 90-х годов прошлого столетия, в которой вращался молодой Горький. Изменилась ли с тех пор эта среда? Безусловно изменилась. Но и в нашей литературной среде, к сожалению, сохранились некоторые явления, перешедшие по наследству от дореволюционной эпохи. Против них энергично, со всей силой своего темперамента, боролся Горький, бичуя все и всячески «литературные забавы». Книга, о которой говорится в этой статье, если ее прочесть как следует, должна научить всех наших писателей самому важному делу: дружескому общению между собой, дружеской взаимной помощи и поддержке во славу дальнейшего расцвета нашей литературы.

В. НАГЕЛЬ

С требованием тех или других книг по заказам великого писателя. И каждое пожелание его записывалось в специальную форму: «А нет ли еще чего-нибудь, что интересно Алексею Максимовичу?». Однажды он принес Горькому довольно обильную папку книг, среди которых были работы А. Терещенко «Быт русского народа» (1897 г.), два тома И. Снегирева «Русские в своих полюсностях» (1891 г.) и др. Алексей Максимович с поспешной жадностью унес книги к себе в кабинет и через полчаса вышел оттуда с довольным и улыбочным лицом и сказал: «Что за хлам вы сегодня мне принесли...», а потом уже со смехом добавил: «Почаще таскайте мне такой хлам».

Где бы писатель ни находился — в особняке ли на Малой Никитской, в подмосковных ли Горках, или, наконец, в далеком Крыму — в Форосе, всегда от него поступали в книжные магазины точные и разнообразные заказы. По требованию А. М. ему были посланы в Крым громадные фойнтаны гравюр Пиранези архитектурно-фантастического содержания.

В начале июня 1936 года, после возвращения писателя из Крыма, накануне роковой болезни, в книжную лавку писателя была передана собственноручная записка А. М. с требованием следующих книг: Ольгинтон «Дочь полковника», Кирсанов «Золушка» и Чернецов «Волжские сказки», а еще позднее, уже 9 июня, поведому, на другой день после некоторого улучшения состояния здоровья, поступило требование на биографию Наполеона, последний выпуск редактирующейся им серии «Жизнь замечательных людей».

Постоянно поразительна и непотопима эта страсть к книге, которая оведала весь жизненный путь писателя и которая не оставила его до самых последних дней. «Чтение, — писал Горький, — высочайшее удовольствие для культурного человека, а ленив книгу; она — моя дорога привычка».

«Книга, быть может, — писал он в другом месте, — наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего».

Д. АРЗЕНШТАТ

Ежегодные «Горьковские чтения»

По решению дирекции Института мировой литературы им. Горького ежегодно между 15 и 20 июня в Москве будут проводиться «Горьковские чтения». В эти дни организуется серия докладов о жизни и творчестве А. М. Горького. Первое «Горьковское чтение» состоится в этом году 19 и 20 июня. В программе: «Молодой Горький», «Детство», «История написания «Челкаша», «Творческая история «Фомы Гордеева», «Реалистические повести Горького» и др.

«ГОРЬКОВСКИЕ ВЕЧЕРА»

Ко второй годовщине смерти великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, издательство «Искусство» выпускает сборник «Горьковские вечера». В сборник вошли лучшие художественные произведения Горького, в том числе «Зуревский», «Песня о соколе», «Старуха Зверинья», отрывки из пьес «На дне» и «Егор Булычьев», публицистические статьи. Кроме того, в сборник включены речь председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. М. Молотова на траурном митинге 20 июня 1936 г. на Красной площади, посвященном памяти А. М. Горького, а также опубликованная в «Правде» статья т. М. Колыцова — «За что они убили Горького». Сборник предназначен для клубов и кружков художественной самодеятельности.

Книжная хроника

В Госпитальде вышли книги: * «Северинка». Книга стихов А. Яшина. Тираж 3 тысячи. Цена 2 рубля. * «Слово о полку Игореве». С. Бугославского. Массовая библиотека. Тираж 50 тысяч. Цена 20 копеек. * «Избранные стихи» Н. Полетаева. Тираж 3 тысячи. Цена 2 р. 25 коп. * «Тема поэта». Книга стихов Д. Петровского. Тираж 5 тысяч. Цена 4 рубля. * «Август». Сборник стихов А. Овсяникова. Тираж 3 тысячи. Цена 2 р. 50 коп. * «Ашчи Нериш» Лермонтова. На ассирийском языке. Тираж 50 экземпляров. Цена 10 копеек. * Стихи О. Паковой. На цыганском языке. Тираж 500 экземпляров. Цена 1 рубль. * «Слово о полку Игореве» Перевод И. Новикова. Массовое издание. Тираж 100 тысяч. Цена 2 рубля.

Рагром искусства и культуры в Австрии...

Сразу же после его приезда были смещены с постов заслуженные директор музея...

Премия Габриеллы назначили некоего Гриммита...

Выставка в Доме художника (организация художников старой школы) была определена по случаю празднования аншлюса...

Художники, обремененные в группе «Сепесонья»...

Вместо этого в помещении «Сепесонья» была показана берлинская выставка «Улицы Адольфа Гитлера»...

Знаменитый датский писатель Мартин Андерсен-Нексе...

Канадская Лига мира и демократии пригласила Томаса Манна...

Швейцарское издательство Орель Фели...

Писатели и литруководцы пишут рассказы и очерки о достижениях социалистической промышленности...

В Ярославле вышли из печати рассказы о себе и о своей работе депутаты Верховного Совета СССР...

Депутату Верховного Совета СССР — колхознице Е. Е. Соболевой помог написать биографический рассказ писатель В. Смирнов...

История Ярославского областного объединения писателей...

Член областного литобъединения Е. Ледер...

Учительнице Костромской школы; Л. Лосев...

Комитету поручено разработать план мероприятий по увековечению памяти поэта...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко...

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко...

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук...

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КРИТИКА

ТАМБОВ, 9 июня. В Чебарском Доме культуры имени Великого состоялся пленум горсовета совместно с советскими, партийными и общественными организациями...

Полноценный новыми материалами и документами, дом-музей Великого в Чебарском, в котором провел свое детство и юность Великий, превращается в постоянный филиал Государственного литературного музея.

Третий том сочинений

Гослитиздат подготовил к печати третий том сочинений В. Г. Великого. В этот том вошла статья великого критика о Державине...

Выставка в университете

В июне в Московском государственном университете открылась выставка, посвященная памяти великого критика В. Г. Великого.

На выставке, организованной в помещении библиотеки, представлены многочисленные документы о пребывании Великого в Московском университете...

ПОДГОТОВКА К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

9 марта исполняется 125 лет со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. Союзарком УССР постановил организовать комитет по проведению юбилея.

Председателем комитета назначен депутат Верховного Совета СССР драматург А. Е. Корнейчук, заместителем председателем — народный комиссар просвещения Украины Г. С. Хоменко...

Украинская картинная галерея им. Т. Г. Шевченко в Харькове начала подготовку к предстоящему юбилею.

В галерее открывается новый зал произведения Шевченко, которые приобретены галереей за последние время. Среди новых экспонатов особое внимание обращает на себя картина «Мария» в поэме «Полтава» Пушкина...

Бригада белорусских поэтов — Янка Купала, Якуб Колас, Александрович, Кулешов и Бровка — работает над переводом на белорусский язык «Юблэря» Т. Г. Шевченко.

Выпуск «Юблэря» на белорусском языке приурочивается к 125-летию со дня рождения поэта.

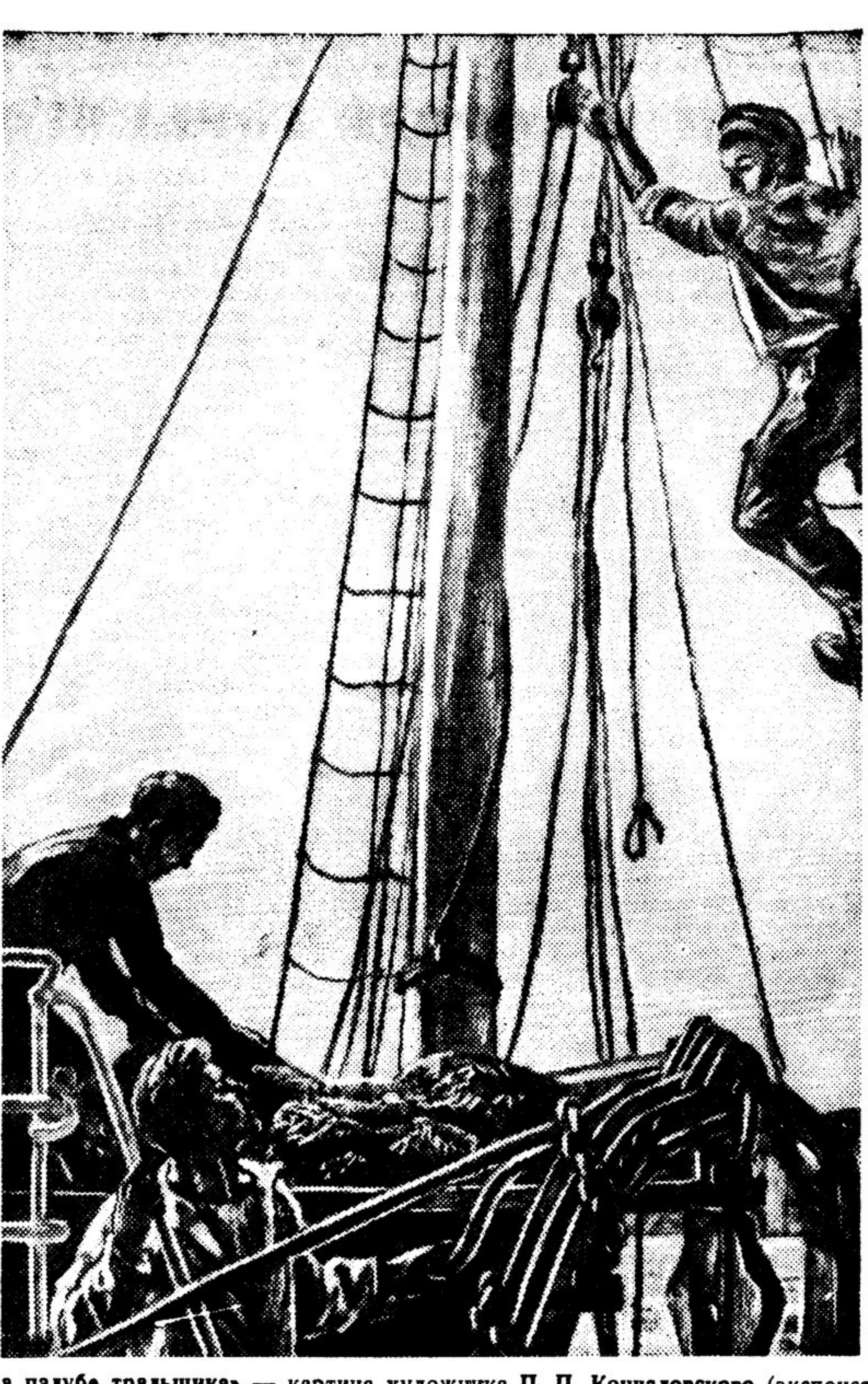
Дом, где Пушкин был счастлив

Топлы паломников ежедневно приходит к небольшому дому, построенному в Гурзуфе герцогом Ришелье...

Всё это каждый припоминает, конечно, когда поднимается от берега на холм, где стоит дом, который так любил Пушкин.

Год назад мы праздновали юбилей поэта, и было бы странно, если бы мы не вспомнили об этом гурзуфском доме, где до конца жизни выжидала нежная и ревнивая мать поэта, утратившая сына, которого так любила и которого так ждала.

Здесь он бесечно наслаждался южной природой, как «неаполитанский лаццорев»; здесь, проснувшись ночью, часами слушал он рокот моря и каждое утро спешил

«На палубе тралящика» — картина художника П. П. Кончаловского (экспонат выставки «Индустрия социализма»).

К ЮБИЛЕЮ ПИСАРЕВА

4/17 июля с. г. исполняется 70 лет со дня смерти выдающегося критика и публициста Д. И. Писарева.

Писарев умер 28 лет, в расцвете сил и литературного дарования.

Почтительно вспомнить тот путь, какой прошел за свою кратковременную жизнь этот талантливый шестидесятилетний. Резко порывав с бесцветно-либеральными взглядами ранних лет, Писарев в течение 1861—1862 гг. переживал яркую полосу подлинно революционных и социалистических настроений.

В своей работе «Что делать?», Ленин, выступая против Мартова и Кривичевского, приводит мнение Писарева о методе как предвосхищении будущего и о плодотворном воздействии фантазии, учитывающей реальную действительность, на творческий труд.

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева». И дальше Ленин цитирует статью Писарева «Промехи незрелой мысли».

В заключении взгляды Писарева изменились. Он стал править и от социалистических воззрений перешел к пропаганде «культурного капитализма».

Располагая огромными знаниями и исключительными литературным талантом, Писарев проявил себя как популяризатор.

Д. И. Писарев. Избранные соч., т. I, ГИХЛ, 1934 г., стр. 325—326.

умевший зажигать и вдохновлять читателей, будить их сознание. В лучших его статьях читатель находил гимны социализму и убийственно едкую критику капиталистической эксплуатации.

«Преображение» артистовидеи во Францию, — писал Писарев в статье «Очерки по истории труда», — пришел конец, когда перевес ума, таланта и образования оказался в руках достаточной буржуазии, а преобладающая буржуазия также перелетела в ряды трудящегося пролетариата.

Н. К. Крупская пишет, что Ленин Писарева в свое время много читал и любил.

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

«Одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева».

В М И Р Е К Н И Г

«Патриоты»

Наша страна — школа героизма. Благоприятные патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

В книге собрано 150 очерков, рассказов, хроникальных выписок из патристических делах замечательных летчиков, пограничников, танкистов, лучших стахановцев индустрии и сельского хозяйства, инженеров, ученых, стариков и молодых сынов Советского Союза.

Книга имеет четыре основных раздела: «Граница на замке», «Школа героизма», «На страже социалистической собственности», «Героические будни».

Старинные записи о покупке книг

В древней Руси существовал обычай — приобретение каждой книги отмечать на самой книге особой надписью, называемой послухом, которая делалась в присутствии свидетелей не оказывалось, то продавец сам подписывал, что расстается с купившим книгу учеником «за чистую», «за полно», что «деньги все сполна влезли» или что «книга куплена без выкупа».

Количество древнерусских книг

По сведениям, относящимся к 1897 г. древнерусских книг от начала письменности до XVI ст. в русских и отчасти заграничных книгохранилищах сохранилось 691, причем 48 из этого числа сохранилось в разрозненном виде (Н. В. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV ввек. СПб., 1897).

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты»

Наша страна — школа героизма. Благоприятные патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

В книге собрано 150 очерков, рассказов, хроникальных выписок из патристических делах замечательных летчиков, пограничников, танкистов, лучших стахановцев индустрии и сельского хозяйства, инженеров, ученых, стариков и молодых сынов Советского Союза.

Книга имеет четыре основных раздела: «Граница на замке», «Школа героизма», «На страже социалистической собственности», «Героические будни».

Старинные записи о покупке книг

В древней Руси существовал обычай — приобретение каждой книги отмечать на самой книге особой надписью, называемой послухом, которая делалась в присутствии свидетелей не оказывалось, то продавец сам подписывал, что расстается с купившим книгу учеником «за чистую», «за полно», что «деньги все сполна влезли» или что «книга куплена без выкупа».

Количество древнерусских книг

По сведениям, относящимся к 1897 г. древнерусских книг от начала письменности до XVI ст. в русских и отчасти заграничных книгохранилищах сохранилось 691, причем 48 из этого числа сохранилось в разрозненном виде (Н. В. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV ввек. СПб., 1897).

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.

«Патриоты» — это патристические поступки совершают не только прославленные Герои Советского Союза, но также и рядовые советские люди.